

Е. В. Падучева

Отрицание

Отрицание — это специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места: *Клюква не растет на дереве.*

1. Проблема определения отрицания
2. Средства выражения отрицания в русском языке
3. Семантические типы отрицательных предложений
4. Синтаксические типы отрицательных предложений
5. Способы выражения общего отрицания
 - 5.1. Общеотрицательные предложения с предикатным и присловным отрицанием
 - 5.2. Предложения со смещенным предикатным отрицанием
 - 5.3. Так называемый «подъем отрицания» — Neg-Raising, Neg-transportation
 - 5.4. Предложения с кумулятивным отрицанием
 - 5.5. Общеотрицательные предложения с контрастной темой
 - 5.6. Предикативное отрицание: конструкция *негде спать*
6. Отрицание и морфология
 - 6.1. Генитив при отрицании
 - 6.1.1. Генитив субъекта
 - 6.1.2. Генитив объекта
 - 6.1.3. Генитив субъекта и генитив объекта: сходства и различия
 - 6.2. Корреляция отрицания с несовершенным видом глагола
 - 6.2.1. Выбор вида в контексте отрицания: предельные глаголы
 - 6.2.2. Выбор вида в контексте отрицания: моментальные глаголы
 - 6.2.3. Несовершенный вид инфинитива в контексте отрицаемой возможности и необходимости
7. Отрицание и лексическая семантика
 - 7.1. Отрицание и ассертивный компонент в значении слова
 - 7.2. Отрицание и актантная структура слова
 - 7.3. Отрицательная поляризация
 - 7.4. Сфера действия внутрисловного отрицания
 - 7.5. Идиоматическое отрицание
 - 7.6. Отрицание перформативного глагола
 - 7.7. Отрицание и двойственность
 - 7.8. «Отрицание отрицания»
 - 7.9. Плеонастическое отрицание

8. Конструкции с имплицитным отрицанием
9. Противопоставительное отрицание
10. Библиография

1. Проблема определения отрицания

Отрицание есть во всех языках мира: согласно [Плунгян 2011: 94–100], отрицание входит в «универсальный грамматический набор». Отрицание плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, нетривиальным образом взаимодействует с грамматическими и лексическими значениями — модальными, аспектуальными, кванторными и другими.

С логической точки зрения **отрицание** — это оператор, который строит из данного предложения другое, которое истинно тогда, когда данное предложение ложно, и, наоборот, ложно, если данное предложение истинно. Например, предложение *Клюква не растет на дереве* — отрицание предложения *Клюква растет на дереве*.

Для лингвистики этого определения недостаточно — хотя бы потому, что отрицание употребляется не только в утвердительных предложениях, но и в вопросительных или побудительных, которые не могут быть истинными или ложными. В лингвистике определением значения обычно считается толкование: как пишет Р. Якобсон, «значение языкового знака есть его перевод в другой знак, прежде всего такой, в котором это значение выражено более полно» [Jakobson 1955].

А. М. Пешковский определяет отрицание как элемент значения, который указывает на то, что связь между компонентами предложения, по мнению говорящего, не существует в реальности. Однако это определение тавтологично, так как само содержит отрицание. По Ш. Балли, отрицание в предложении указывает на то, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Эта формулировка исходит из того, что отрицание — это речевой акт. Между тем отрицание может входить в состав условий, презумпций и других составных частей высказывания, которые не имеют самостоятельной иллокутивной силы (например: *Если он не придет, все пропало*), так что и это определение не годится. Отрицание, вопреки общему представлению, не аналогично утверждению: утверждение — это речевой акт, а отрицание строит пропозицию, которая может использоваться в речевом акте, а может быть частью более сложной пропозиции.

Остается признать, что отрицание в языке принадлежит к числу исходных, не толкуемых понятий. Такая трактовка принята, например, в [Wierz-

bička 1996], где отрицание включается в список т. н. «семантических примитивов». Ниже (см. п. 3) будет показано, что примитивов, соответствующих отрицанию, нужно даже более одного.

2. Средства выражения отрицания в русском языке

Средства выражения отрицания в разных языках чрезвычайно разнообразны, в частности синтаксически специфицированы. Например, предикатное отрицание может отличаться от отрицания при имени; разные видовременные и модальные формы глагола могут иметь разные отрицательные показатели и т. д., см. [Miestamo 2005].

В русском языке есть показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью — частица *не*, ср. *не приехал, не ходи, не Ваня, не русский, не вчера* и т. д. Отрицание выражается также частицей *ни* (*ни на небе ни облачка; ни слуху, ни духу*), местоимениями и наречиями с *ни-* (*никто, ни о чем, никогда*), предикативными местоимениями с *не-* (*негде, некому*), словами *нет, нельзя* и другими предикативами, прилагательными и наречиями с префиксом *не-* (*невозможно, нежелательно, неженатый, немало*). (Следует иметь в виду, что префикс *не-* может выражать не только отрицание, но и неопределенность, как в словах *некто, некий, некоторый*.) Частицы и прочие слова, выражающие отрицание, тоже называются **отрицаниями**.

Есть словообразовательные элементы, которые содержат в своей семантике отрицание (*без-злойный*) или, по крайней мере, идею отмены предыдущего состояния (*раз-любить, от-клеить*).

В рассмотрение следует включить также имплицитное отрицание в составе значения слов (таких как, например, *отказаться, воздержаться, лишён*) и конструкций (например, *Много ты понимаешь!* = ‘ты ничего не понимаешь’; *Чтобы я стала с ним связываться!* = ‘я не стану с ним связываться’; *Так я и поверил!* = ‘я не поверил’).

Термин **отрицательное предложение** обычно применяется к предложению, содержащему отрицание при финитном глаголе или предикативе, поскольку именно такое отрицание чаще всего оказывает влияние на структуру предложения в целом. Однако отрицание в составе лексического значения слова тоже может иметь синтаксические рефлексy (см. п. 7.3).

Более развернутое описание русского отрицания см. в монографии [Падучева 2013].

3. Семантические типы отрицательных предложений

В современной лингвистике, как и в логике предикатов, принимается положение о том, что отрицание воздействует всегда на пропозицию. Иначе сказать, **сферой действия** отрицания всегда является пропозиция, а не отдельное слово; о том, как понимаются сочетания *не Ваня* или *не русский*, см. ниже.

С семантической точки зрения различается **общее** (полное) и **частное** (неполное) отрицание. Соответственно, предложения делятся на **общеотрицательные** и **частноотрицательные** [Пешковский 1956/2001]. Отрицание является общим, если предложение имеет перефразировку с оборотом НЕВЕРНО, ЧТО (it is not the case that), который стоит в начале предложения. Иначе говоря, предложение общеотрицательное, если сферой действия отрицания в нем является все предложение [Jackendoff 1972]; [Падучева 1974/2007] — естественно, «за вычетом» отрицания. Отрицание частное, если какой-то фрагмент смысла не входит в сферу действия отрицания. Например, в предложении (1) общее отрицание, а в (2) — частное (далее НЕ — сокращение для НЕВЕРНО, ЧТО / НЕ ИМЕЕТ МЕСТА ТО, ЧТО):

- (1) Они не ссорятся из-за пустяков = НЕ (они ссорятся из-за пустяков)
 (2) Дети не спят из-за шума = из-за шума НЕ (дети спят)

Предложение с частным отрицанием мыслится как полученное в результате того, что предложение с общим отрицанием вошло, в ходе своего порождения, в сферу действия другого оператора; так, в (2) отрицание входит в сферу действия причинного предлога.

Предложение может быть неоднозначным, допуская интерпретацию с общим и с частным отрицанием (иначе сказать — если отрицание в нем может пониматься с разной сферой действия):

- (3) Она не будет менять свой план из-за тебя =
 (i) ‘ты являешься причиной того, что она не будет менять свой план’ — *из-за тебя* не входит в сферу действия отрицания
 (ii) ‘ты являешься недостаточным основанием для того, чтобы она изменила свой план’ — *из-за тебя* входит в сферу действия отрицания

В устной речи эти два прочтения по-разному интонируются.
 Другой пример из [Падучева 1974/2007]:

- (4) Такие газопроводы не строят в течение двух лет =
 (i) ‘в течение двух лет НЕ (строят такие газопроводы)’
 (ii) ‘НЕ (в течение двух лет можно построить такой газопровод)’

Уточним, что интерпретации (i) и (ii) различаются не только сферой действия отрицания, но и референцией обстоятельства времени *два года* — в (i) это конкретный временной интервал, а в (ii) — обобщенный.

В логике со времен Аристотеля различается два вида отрицания — обычное, **контрадикторное** (иначе — взаимоисключающее), как в (5), и **контрарное**, как в (6):

- (5) Альфред женат — Альфред *не* женат
 (6) Альфред любит современную музыку — Альфред *не* любит современную музыку

К контрадикторному отрицанию применим закон исключенного третьего: либо p , либо $не-p$, третьего не дано; т. е. из двух предложений, связанных контрадикторным отрицанием, обязательно одно истинно, а другое ложно. Два предложения, которые связаны контрарным отрицанием, не могут быть оба истинными, но могут быть оба ложными (поскольку истина, так сказать, «посредине»). Так, относительно Альфреда может быть неверно как то, что он любит современную музыку, так и то, что он ее не любит (*dislikes*).

Контрарное отрицание, т. е. отрицание с неисключенным третьим, усматривается, в основном, в словах с *не*-приставкой или в антонимических парах (типа *счастливый* — *несчастный*). У русского *не любит* можно различить два понимания: 1) обычное контрадикторное отрицание, когда *не* — частица, и 2) контрарное, когда *не* как бы приставка. Далее, если не оговорено противное, речь идет о контрадикторном отрицании. Контрарное отрицание — это отдельный «семантический примитив» в терминах А. Вежбицкой (см. [Wierzbicka 1996]). О контрарном отрицании в его связи с антонимией см. [Апресян 1974/1995: 285–315].

В примерах (7), (8) предложения (а) и (б) могут быть оба истинны:

- (7) а. Некоторые члены комиссии идиоты
 б. Некоторые члены комиссии *не* идиоты
 (8) а. Можно пойти на концерт
 б. Можно *не* ходить на концерт

Очевидно, что предложения в примерах (7) и (8) ни в каком смысле не являются отрицаниями одно другого.

В [Парти 2007] предложение (9б) называется контрарным отрицанием (9а):

- (9) а. Альфред работает в РГГУ
 б. Альфред работает *не* в РГГУ

Считается, что (9б) соответствует ситуации, когда про Альфреда неверно и то, что он работает в РГГУ, и то, что он работает не в РГГУ, — поскольку он вообще не работает. Однако предложение (9б) не может быть понято иначе, как с презумпцией ‘Альфред работает в некотором месте’. Так что в ситуации, когда Альфред нигде не работает, предложение (9б), с ложной презумпцией, естественно считать не ложным, а бессмысленным — или, по крайней мере, вводящим в заблуждение.

4. Синтаксические типы отрицательных предложений

С синтаксической точки зрения различается **предикатное** отрицание (отрицание при финитном глаголе или предикативе, иначе — **фразовое** [Падучева 1974/2007]), как в (10), и **присловное**, как в (11):

(10) Иван *не попал* на выставку

(11) *Не все* попали на выставку

Поначалу может показаться, что класс предложений с предикатным отрицанием совпадает с классом семантически общеотрицательных предложений, а класс предложений с присловным отрицанием — с классом семантически частноотрицательных (семантическую классификацию отрицательных предложений см. в п. 3). Однако это не так: имеются все четыре возможности.

Семантически общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

(12) Коля *не придет*; Иван *не повез* жену в больницу

Семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием:

(13) Это был *не портрет*; Он решил *не все* задачи; Я *не всегда* буду с вами

Семантически частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием:

- (14) Мы с вами долго *не увидимся* = ‘долго НЕ (будет иметь место) (мы с вами увиделись)’

Семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием:

- (15) Иногда он отвечает *не сразу* = ‘иногда НЕ (он отвечает сразу)’

Термины «предикатное отрицание» и «присловное отрицание» приблизительно соответствуют английским «sentential negation» и «constituent negation»; но очень приблизительно.

В русском языке естественно говорить о «присловном» отрицании, а не об «отрицании при составляющей» (constituent negation), поскольку в традиционной русистике принято оперировать словами, а не составляющими, как в англоязычной лингвистике. Правда, это наталкивается на трудности в контекстах типа *Не в свои сани не садись*, где отрицание относится, конечно, не к одному предлогу *в*, а ко всей составляющей *в свои сани*, но эти трудности можно обойти.

Что же касается соответствия «sentential negation» — «предикатное отрицание», то тут дело осложняется тем, что в самой англоязычной лингвистической литературе термин «sentential negation» понимается по-разному. В классической статье о семантике отрицания [Klima 1964] термин *sentential negation* понимается как общее отрицание (см. п. 3) в семантическом смысле. В предложениях *No one objected* ‘никто не возражал’, *John ate nothing* ‘Джон ничего не съел’, *Not everyone agreed* ‘не все согласились’, Клима, основываясь, как в то время было принято, только на разного рода синтаксических тестах, проницательно усматривает семантическое общее отрицание. А Есперсен (см. [Jespersen 1924/1958]), который ориентируется строго на форму, трактует подобные случаи как *constituent negation* (*special negation*), поскольку отрицание стоит не при предикативной вершине предложения, а входит в состав именной группы. При этом, однако, ни один из авторов не вводит отдельных пар терминов для семантической и синтаксической структуры предложения.

Термин «сентенциальное отрицание» иногда используется в русскоязычной лингвистической литературе. Мы считаем безопасным его употребление только в синтаксическом смысле — в качестве синонима для термина «предикатное отрицание».

Особый синтаксический тип отрицательных предложений составляют предложения со **смещенным** предикатным отрицанием [Падучева 1974/2007]; [Богуславский 1985]:

- (16) *Я не решил всех* ↘ ваших задач ≈ ‘решил не все’

- (17) Микробиология *не возникла* на пустом месте ≈ ‘возникла не на пустом месте’

Слово, при котором отрицание «должно было бы быть до смещения», обычно помечается контрастным фразовым ударением. Смещение всегда идет вверх по синтаксическому дереву предложения. Далее рассматриваются только смещения на финитный глагол или предикатив.

Еще один синтаксический тип — предложение с **кумулятивным** отрицанием. Это предложение с отрицательным *ни*-местоимением (быть может, не одним) и сопутствующим отрицанием при глаголе: *Никто не пришел; Он не дал никому ничего сказать*.

Наконец, отдельный семантико-синтаксический тип составляют предложения с **противопоставительным** отрицанием [Богуславский 1985]. Контраст должен быть выражен эксплицитно, конструкцией *не..., а*, как в (18а), или отчетливо подразумеваться — так что без уточнения смысл ощущается как неполный, см. (18б):

- (18) а. Он *не* в Париже, *а* в Лондоне
б. Он *не* в Париже

Вне конструкции *не..., а* нет четкой границы между противопоставительным и просто присловным отрицанием. Так, в предложениях *Я не дома* (в прошедшем времени — *Я была не дома*), *Он любит не тебя*, в отличие от предложения (18б), не ощущается неполноты. Далее противопоставительным отрицанием будет считаться только то, которое входит в состав конструкции *не..., а* и обнаруживает нетривиальные семантико-синтаксические свойства.

5. Способы выражения общего отрицания

Ясно, что соответствовать каким бы то ни было утвердительным могут только общеотрицательные предложения: в частноотрицательных предложениях отрицается фрагмент смысла, который синтаксически не составляет отдельного предложения. Например:

- (19) Напрасно ты *не* приехал = ‘Напрасно (НЕ (ты приехал))’ ≠ ‘НЕ (напрасно (ты приехал))’
- (20) Он нас долго *не* замечал = ‘Долго ⟨длилось состояние⟩ НЕ (он нас заметил)’

Итак, вопрос в том, как построить предложение, которое будет отрицанием данного. Общеотрицательные предложения могут быть нескольких синтаксических типов:

- а) общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием (см. п. 5.1);
- б) общеотрицательные предложения с присловным отрицанием (см. п. 5.1);
- в) общеотрицательные предложения со смещенным предикатным отрицанием (см. п. 5.2);
- г) общеотрицательные предложения с кумулятивным отрицанием (см. п. 5.4).

Отдельные типы образуют предложения с т. н. «подъемом отрицания» (см. п. 5.3), общеотрицательные предложения с контрастной темой (см. п. 5.5) и предложения с предикативным отрицанием (см. п. 5.6).

5.1. Общеотрицательные предложения с предикатным и присловным отрицанием

Общее правило для русского языка состоит в том, что общее отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** предложения, т. е. главному семантическому оператору, участвующему в его построении [Падучева 1974/2007: 154]. В простом предложении таким оператором обычно является финитный глагол / предикатив — сказуемое. Тогда общеотрицательное предложение имеет предикатное отрицание. Предложение выражает единую пропозицию; эта пропозиция является **ассерцией** и отрицается с помощью отрицания при ее предикате:

- (21) НЕ (он пошел на работу) = Он *не пошел* на работу
- (22) НЕ (он тебя любит) = Он тебя *не любит*
- (23) НЕ (он показал жене фотографию) = Он *не показал* жене фотографию

Предложение (24б) является общим (полным) отрицанием (24а). В нем есть не отрицаемый компонент — (24в); но он и не должен отрицаться, поскольку составляет **презумпцию** (иначе — пресуппозицию) предложения (24а) (о презумпциях см., например, [Падучева 1985/2009: 48–87]; [Beaver, Geurts 2011]):

- (24) а. Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко
- б. Иван *не жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко
- в. Иван поехал на конференцию в Марокко

Итак, общее отрицание отрицает ассерцию и сохраняет презумпцию. Правило о присоединении отрицания к семантической вершине может быть неприменимо по двум разным причинам:

Причина 1. Правило неприменимо, если главный семантический оператор составляет в предложении не ассерцию, а презумпцию (и неспособен присоединять отрицание); такова, например, частица *даже*:

(25) Его *даже* Канкрин считал очень способным человеком. [Ю. Н. Тынянов. Малолетный Витушишников (1933)] — НЕ (его *даже* Канкрин считал очень способным человеком) = ???

Причина 2. Правило неприменимо, если главный семантический оператор — конъюнкция и отрицание имеет слишком неопределенный смысл:

(26) Варвара была умна *и* необыкновенно красива. [А. Балдин. Московские праздные дни (1997)] — НЕ (Варвара была умна *и* необыкновенно красива) = ‘то ли не умна, то ли не красива, то ли ни то, ни другое’ = ???

Следующие классы выражений (помимо глаголов и предикативов) могут иметь при себе отрицательную частицу *не* в семантически общеотрицательном предложении.

1) **Кванторное слово** — это семантический оператор, который включают глагольную предикацию в свою сферу действия, т. е. подчиняет ее. У предложения с кванторным словом соответствующее общеотрицательное имеет отрицание при кванторном слове (о других возможностях см. в п. 5.2):

(27) НЕ (он решил *все* задачи) = Он решил *не все* задачи

(28) НЕ (*многие* хотят перемен) = *Немногие* хотят перемен

В самом деле, отрицание при глаголе дало бы в этом случае предложение с частным, т. е., в данном случае, более сильным отрицанием:

(29) Многие *не хотят* перемен = для многих <верно> НЕ (они *хотят* перемен)

2) Многие **адвербиалы** способны формировать пропозицию, в которой глагольная предикация входит в семантическую сферу действия адвербиала. Соответствующее общеотрицательное предложение будет иметь присловное отрицание при адвербиале:

(30) НЕ (он купил игрушки *на рынке*) = Он купил игрушки *не на рынке*

(31) НЕ (он позвонил *вчера*) = Он позвонил *не вчера*

Но, будучи в тематической позиции, тот же адвербиал может как бы перейти из сирконстантов в актанты глагола и войти в сферу действия предикатного отрицания, так что предикатное отрицание будет иметь широкую сферу действия. Так, предложения (32), (33) семантически общеотрицательные:

(32) НЕ (он купил *на рынке* игрушки) = Он не купил *на рынке* игрушек

(33) НЕ (он *вчера* позвонил) = Он *вчера* не позвонил

Большая часть адвербиалов (в частности, т. н. качественные наречия, или наречия образа действия), однако, не допускает такого синтаксического переосмысления. Так, предложения из (34б) аномальны и не являются общеотрицательными для предложений из (34а):

(34) а. Он *резко* затормозил; Он *тщательно* оделся; Он *немедленно* ушел;
Он *вскоре* сделался негодяем

б. *Он *резко* не затормозил; *Он *тщательно* не оделся; *Он *немедленно* не ушел; *Он *вскоре* не сделался негодяем

Описание структуры общеотрицательных предложений с адвербиалами требует обращения к понятию **атрибутивного компонента** (см. [Падучева 2005]).

3) Присоединять отрицание способны некоторые **союзы** (очевидным образом семантически подчиняющие глагольную предикацию):

(35) НЕ (он пришел, потому что соскучился) = Он пришел *не потому*, что соскучился

Ср. в [Пекелис 2008] попытку ответить на вопрос, почему отрицание присоединяется к *потому* и не присоединяется к *поскольку* или *так как*.

4) Наконец, общеотрицательное предложение имеет присловное отрицание, если в исходном предложении это слово было **рема́тичным**, т. е. несло контрастное ударение. Так, у предложения (36а), с естественным делением на тему и рему, смысл описывается единой ассерцией, и оно имеет предикатное отрицание (36б). А в предложении (37а) существенным фактором является контрастное ударение, которое расчленяет смысл предложения на две пропозиции — ‘Иван куда-то пошел’ [презумпция] и ‘то, куда он пошел, это концерт’ [ассерция]:

(36) а. Иван↗ пошел на концерт↘

б. Иван↗ *не* пошел↘ на концерт

- (37) а. Иван пошел на концерт↘↘
 б. Иван пошел *не* на концерт↘↘

Поэтому общеотрицательным для (37а) будет предложение (37б) с присловным отрицанием. Еще примеры:

- (38) НЕ (он любит тебя↘) = Он любит *не тебя* = НЕ (тот, кого он любит, есть ты)
- (39) НЕ (солировать будет Башмет↘) = Солировать будет *не Башмет* = НЕ (тот, кто будет солировать, есть Башмет)

Как уже говорилось, нет четкой границы между контрастным рематическим отрицанием и противопоставительным, см. пример (18) из п. 4; т. е. неясно, когда возникает неполнота и необходимость в продолжении типа *не Башмет, а кто?*

5.2. Предложения со смещенным предикатным отрицанием

Предложения со **смещенным предикатным отрицанием** — это предложения с сентенциальным отрицанием и со словом, которое выделено контрастным фразовым акцентом — восходящим, если оно стоит перед глаголом, или нисходящим, если после:

- (40) НЕ (он решил все↘ задачи) = Всех↗ задач он *не решил*↘; Он *не решил*↘ всех↘ задач
- (41) НЕ (задержу надолго↘) = Надолго↗ *не задержу*↘
- (42) НЕ (оно сделано полностью↘) = полностью↗ оно *не сделано*↘

Предложение со смещенным отрицанием квазисинонимично предложению с присловным отрицанием (см. п. 4) — при слове с контрастным акцентом:

- (43) Всех↗ задач он *не решил*↘; Он решил *не все*↘ задачи

Другое дело, что смещение может иметь эффект экивока, или *understatement*. Так, *точно не знаю* может быть сказано не в ситуации «знаю не точно», а в ситуации «не знаю»: отрицается более сильное утверждение, при том, что и более слабое неверно.

У О. Есперсена в «Философии грамматики» (см. [Jespersen 1924/1 958: 382]) приводится множество примеров на смещенное отрицание

(см. примеры (44)–(46)) — в английском языке это явление распространено гораздо шире, чем в русском. Есперсен пишет: «Общая тенденция направлена к употреблению нексусного (т. е. предикатного) отрицания даже в тех случаях, где более подходящим было бы специальное отрицание (т. е. присловное)».

- (44) *I don't complain* of your words, but of the tone in which they were uttered
'Я жалуюсь, *не на слова*, а на тон, которым они были произнесены'
- (45) *We aren't* here to talk nonsense, but to act
'Мы здесь *не для того*, чтобы говорить, а для того чтобы действовать'
- (46) a. *I didn't* call because I wanted to see her (but for some other reason)
'Я позвонил не потому, что хотел ее видеть (а по другой причине)' — смещенное отрицание
б. *I didn't* call | because I wanted to avoid her
'Я не позвонил, потому что не хотел с ней разговаривать' — обычное предикатное отрицание

Возможна неоднозначность:

- (47) He *didn't* answer many questions =
(i) Он ответил не на много вопросов = НЕ (он ответил на много вопросов)
(ii) На много вопросов он не ответил = Есть много вопросов, таких, что НЕ (он на них ответил)

Есперсен отмечает роль интонации в выражении различия между обычным глагольным и смещенным глагольным отрицанием: «⟨...⟩ правда, в устной речи двусмысленность может устраняться интонацией».

Во всех примерах смещения отрицания (с синтаксически более низкого слова на более высокое) предложение при обеих позициях отрицания является семантически общеотрицательным. «Логически» отрицание должно было бы присоединиться к этому низко стоящему слову, поскольку оно несет фразовое ударение, т. е. является ремой. Так что отрицание пропозиции, выражаемой этим словом, является по смыслу отрицанием высказывания в целом.

То, что смещенное сентенциальное отрицание не синонимично присловному при адвербиале (см. п. 5.1), можно показать на следующем примере:

- (48) а. Я *сразу не* поняла
б. Я поняла *не сразу*

Предложение (48б) означает, приблизительно (т. е. пренебрегая различием между презумпцией и ассерцией), 'поняла, но не сразу'; т. е. главный

акцент — на ‘поняла потом’. А в составе (48а) смысл ‘поняла потом’ составляет импликацию и не очень существен. Формально различие можно представить так: в (48б) ‘я поняла’ — это презумпция, а значит, пропозиция, которая сформирована как отдельная; т. е. в предложении (48б) две пропозиции, из которых отрицается только одна; а в (48а) отрицается единая пропозиция ‘поняла сразу’; вопрос о том, поняла ли потом, не встает¹.

Аналогично, различие между (49а) и (49б) в том, что в (49а) коммуникативно значимо только «уйти сразу», а (49б) разделяет уход и его время на две отдельных пропозиции:

- (49) а. Почему я тогда *сразу не* ушел?
 б. Почему я тогда ушел *не сразу*?

Смещение в контексте снятой утвердительности, как в (48а) и (49а), не требует контрастного акцента на потенциальном носителе присловного отрицания.

Синонимия смещенного и несмещенного отрицания не полная даже там, где различие в значении трудно сформулировать, ср. *Долго он не продержится* и *Он продержится не долго*; *Это не проходит бесследно* и *?Это проходит не бесследно*.

У предложения со смещенным отрицанием соответствующего предложения в «несмещенном» варианте может вообще не быть, ср. пример из [Klenin 1978]: *Не ешь весь \> сыр!*

5.3. Так называемый «подъем отрицания» — Neg-Raising, Neg-transportation

Существует проблема, связанная с квазисинонимическим соотношением между отрицательными предложениями разной синтаксической структуры, см. [Klima 1964]; [Падучева 1974/2007: 146]; [Horn 1989: 308–330] и др. Это соотношение описывается метафорой «**подъема**» отрицания из подчиненной (зависимой) клаузы в подчиняющую (главную). Отличие «подъема» отрицания от рассмотренного выше (см. п. 5.2) «смещения» отрицания состоит в том, что смещение происходит в пределах одной клаузы.

¹ У *сразу* есть другое значение, которое не имеет импликации с ‘потом’, а дает частное или контрарное отрицание: *Он мне сразу не понравился* = ‘Сразу НЕ (он мне понравился)’.

- (50) а. Я думаю, что он это сделает
 б. Я думаю, что он этого *не сделает*
 в. Я *не думаю*, что он это сделает =
 (i) ‘НЕ (я думаю, что он это сделает)’
 (ii) ‘Я думаю, что НЕ (он это сделает)’

Предложению (50в) может быть приписана двоякая деривационная история: оно может пониматься как общеотрицательное предложение, соответствующее предложению (50а), (интерпретация (i)) и как результат «синтаксического» подъема отрицания в предложении (50б) (интерпретация (ii)); при этом интерпретации (i) и (ii) очень близки по смыслу.

Квазисинонимия возникает при небольшом числе предикатов, разных в разных языках. При русском *должен* предикатное отрицание понимается практически только как результат подъема, см. (51); ближайшим по смыслу общеотрицательным предложением для *Ты должен оглянуться* будет (51б):

- (51) а. Ты *не должен* оглядываться = ‘Ты должен не оглядываться’
 б. Тебе *не обязательно* оглядываться

См. об этом подробнее в [Иорданская 1985], где, в частности, приводится пример квазисинонимии:

- (52) Врач *не советует* Тане менять климат = Врач *советует* Тане *не* менять климат

Подъем отрицания — это проблема лексической семантики. Слова, которые являются переводными эквивалентами друг друга в разных языках, могут различаться возможностью и обязательностью подъема отрицания. Так, в русском языке *не велит* значит только ‘требует, чтобы не’, но не ‘не требует’, как, например, английское *does not demand*.

Обычно квазисинонимия при подъеме отрицания требует снятой **утвердительности** (то есть неохарактеризованности по истинности / ложности, см. [Падучева 2015]) в подчиненной предикации. В самом деле, предикаты, которые имеют, напротив, фактивную презумпцию, т. е. презумпцию истинности относительно своего пропозиционального дополнения, категорически не допускают подъема отрицания. Так, предложения (53а) и (53б) с предикатом *жаль*, который является фактивным (то есть подчиняет пропозицию с презумптивным статусом: *жаль / не жаль, что он уехал* ⇨ ‘он уехал’), не только не синонимичны, но имеют противоположный смысл:

- (53) а. Мне *жаль*, что он *не* заехал
 б. Мне *не жаль*, что он заехал

Глаголы *бояться* и *надеяться* не являются фактивными предикатами; однако они также вводят презумпцию относительно подчиненного актанта — презумпцию желательности события в случае *надеяться* (*я надеюсь / не надеюсь, что он уедет* \supset ‘я хочу, чтобы он уехал’) и нежелательности в случае *бояться* (*я боюсь / не боюсь, что он уедет* \supset ‘я не хочу, чтобы он уехал’). Поэтому они совершенно законно не допускают подъема отрицания; так, предложения (54а) и (54б) не равны по смыслу — так же, как (53а) и (53б):

- (54) а. Я *надеюсь*, что он *не* уедет
 б. Я *не надеюсь*, что он уедет

Семантические условия, обеспечивающие возможность подъема отрицания, изучены не до конца, см. [Horn 1989: 308]. Но снятая утвердительность пропозиции является общим условием для внутриклаузного и межклаузного смещения.

5.4. Предложения с кумулятивным отрицанием

Предложение с **кумулятивным** отрицанием получается в результате того, что отрицание как бы присоединяется по смыслу к местоимению на *-нибудь* или *хоть один* (квантору существования); возникает отрицательное *ни*-местоимение, которое требует отрицания *не* при глаголе (если он в предложении есть):

- (55) НЕ (он *кому-нибудь* написал) = Он *никому* не написал
 (56) НЕ (ответил *кто-нибудь*) = *Никто* не ответил
 (57) НЕ (на небе *хоть* <одна> звездочка) = На небе *ни* <одной> звездочки
 (58) НЕ (заехал *хоть* <один> *раз*) = Не заехал *ни* разу

Иными словами, *ни*-местоимение возникает как результат общего отрицания предложения с неопределенным местоимением.

Основным носителем отрицательного значения является *ни*-местоимение: *не* при глаголе — это результат своего рода **согласования**. В самом деле, глагольное отрицание не требует отрицательного местоимения — возможно и неопределенное, см. пример (59). А отрицательное местоимение без предикатного отрицания в русском языке невозможно [Падучева 1974/2007: 148–149], см. (61):

(59) Если *кто-нибудь* не поймет ... (≠ ‘если никто не поймет’)

(60) *Никто* его не видел

(61) **Никто* его видел

В примере (57) без выраженного предикатного отрицания *На небе ни звездочки* понимается как ‘нет ни звездочки’.

Кумулятивное отрицание — это нетривиальная особенность славянских языков. Так, например, в английском языке повторение отрицания при глаголе было бы ошибкой, ср. *Nobody saw him* и **Nobody didn't see him*.

Местоимение на *-нибудь* невозможно вне сферы действия отрицания или другого оператора, снимающего утвердительность: **Кто-нибудь остался* [Падучева 1985: 94, 217]. Так что предложения типа *Никого не осталось*, в отличие от основной части общеотрицательных предложений, не могут трактоваться в прагматическом плане как отрицательная реакция на некоторое утвердительное предложение. Возможно, однако, употребление общеотрицательного местоимения на *-нибудь* в контексте отрицательного ответа на общий вопрос, содержащий местоимение на *-нибудь*:

(62) — Кто-нибудь остался? Никого не осталось.

Так что предложение *Никого не осталось* общеотрицательное потому, что может быть ответом на общий вопрос («Yes-No question»).

5.5. Общеотрицательные предложения с контрастной темой

Об общеотрицательных предложениях с присловным отрицанием на контрастной реме говорилось в п. 5.1: контрастное рематическое ударение порождает в исходном предложении специальные презумпции, которые, естественно, сохраняются при отрицании. Отсюда:

(63) НЕ (он любит тебя↘) = ‘Тот, кого он любит, не есть ты’ = Он любит *не тебя↘*

Тематическое контрастное ударение порождает другие презумпции [Падучева 1985: 118]. Так, предложение (64а) имеет импликацию (64в), а (64б) ее не имеет (ср. обсуждение примеров этого рода в [Lyons 1977: 775]:

(64) а. Маша↗ *не пришла↘*

б. Маша *не пришла↘*

в. Пришел кто-то другой

Предложение (64б) — это ответ на вопрос «Маша пришла?», а (64а) — на вопрос «Пришла ли Маша?».

5.6. Предикативное отрицание: конструкция *негде спать*

Существует класс т. н. **предикативных отрицательных местоимений** типа *негде, некому, незачем*, у которых предикат (существования) выявляется в прошедшем и будущем времени — *не было где, не будет где*; но не в настоящем — **нет где* (см. [Апресян, Иомдин 1989]):

- (65) а. *Негде* спать = ‘Нет места, где бы можно было спать’
б. *Некому* работать = ‘Нет людей, которые могли бы работать’

Конструкцию с предикативными отрицательными местоимениями (далее «*не* + относительное местоимение») можно сопоставить с конструкцией «*мало* + относительное местоимение» (см. также в [Падучева 2011b] о конструкции «*мало* + *ли* + относительное местоимение»):

- (66) а. *Мало где* можно спать = ‘Мало есть мест, где можно спать’
б. *Мало кто* может работать = ‘Мало людей, которые могут работать’

Представляют интерес следующие различия между ними.

1) Конструкция «*мало* + относительное местоимение» имеет более широкую продуктивность: *не* сочетается только с *кого, чего, где, куда, откуда, зачем, когда*. А *мало* сочетается также с *кто, что, какой, чей*:

- (67) На литературные заработки *мало кто* из писателей эмиграции мог прожить. [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003)] = ‘Мало было писателей, которые могли прожить на литературные заработки’
- (68) Чтобы отмазать от шестимесячной военной подготовки, *мало какая* семья будет платить несколько тысяч долларов взятки... [«Московский комсомолец» (2003)] [= существует мало таких семей, которые будут ...] = ‘Мало есть таких семей, которые...’
- (69) После комы *мало чей* мозг работает так, как работал до комы.

2) В конструкции «*мало* + относительное местоимение» глагол финитный, и модальность может быть любая. А в конструкцию «*не* + относительное местоимение» входит инфинитив, и единственной доступной для нее модальностью оказывается модальность возможности.

3) Конструкция «*мало* + относительное местоимение» порождает, тоже идиоматичную, псевдовопросительную конструкцию «*мало* + *ли* +

относительное местоимение»; а в конструкции «*ne* + относительное местоимение» частица *ли* переводит относительное местоимение в неопределенное, причем только в контексте *нечего*, ср. (70) и (71), (72):

(70) *Нечего* съестъ — Нет ли чего съестъ? = Нет ли чего-нибудь съестъ?

(71) *Негде* поспать — *Нет ли где поспать?

(72) *Некуда* пойти — *Нет ли куда пойти?

Слово *нечего* может выступать в идиоматическом значении: *Нечего жаловаться* ≈ ‘нет оснований жаловаться’.

6. Отрицание и морфология

6.1. Генитив при отрицании

Отличительной особенностью славянских языков является связь отрицания с падежным маркированием: на месте винительного или именительного падежа именной группы в контексте отрицания часто возникает генитив:

а) генитив объекта (*имеет значение — не имеет значения*), см. п. 6.1.1;

б) генитив субъекта (*остались сомнения — не осталось сомнений*), см. п. 6.1.2.

До последнего времени основная часть исследований генитива отрицания была направлена на описание условий его употребления, см., например, [Restan 1960]; [Апресян 1985]; [Guiraud-Weber 2003]. Между тем условия употребления генитивной конструкции отрицания на глазах меняются: генитив — и субъекта (*не осталось сомнений*), и объекта (*не имеет значения*) — уступает место, соответственно, номинативу и аккузативу, так что на данный момент узус представляет собой пеструю картину, объединяющую разные исторические срезы. С одной стороны, полностью утрачена старая норма, с преобладающим генитивом. Например, допустимо *не погладил брюк* наряду с более современным *не погладил брюки*. С другой стороны, идет наступление прямых падежей, которое разрушает более или менее установившуюся семантику падежных противопоставлений. Например, наряду с семантически мотивированным *не несет ответственности* (в Корпусе 65 примеров), возможно *не несет ответственность* (7 примеров): *банк (страховая компания, никто, ...) не несет ответственность за убытки (задержку, неисполнение, ...)*.

Новый подход ставит в центр внимания не условия употребления генитива, а семантику, выражаемую генитивной конструкцией, в противоположность номинативной или аккузативной. Задача — понять, какова

семантика генитива отрицания, и отличить семантическое противопоставление (так, *отца не было на море* ≠ *отец не был на море*, пример из [Апресян 1980]) от чисто стилистического варьирования (как в случае *не погладил брюк / брюки* или *не несет ответственности / ответственность*).

6.1.1. Генитив субъекта

Семантическая трактовка генитива отрицания предложена в [Babby 1980] (см. также [Арутюнова 1976]), где речь идет о семантических факторах, которые заставляют говорящего употреблять в отрицательном предложении тот или иной падеж. Существенно, что Л. Бэбби поставил в центр внимания генитив субъекта. Дело в том, что генитив субъекта допустим при относительно небольшом классе глаголов и в нем семантическую мотивированность выбора падежа легче обнаружить.

Книга Л. Бэбби называется «Existential sentences and Negation in Russian». Экзистенциальные предложения — это предложения существования («бытийные» согласно [Арутюнова, Ширяев 1983]), и в [Babby 1980: 105] говорится: «...только в бытийных предложениях субъект маркируется генитивом, когда вводится отрицание» («...it is only the subject NP of existential sentences that is regularly marked genitive when negation is introduced ...»).

Глагол в отрицательном предложении с генитивным субъектом действительно чаще всего выражает несуществование и, соответственно, имеет нереферентный субъект:

(73) Катастрофы *не произошло*

(74) Сомнений *не возникло*

Глагол создания тоже может иметь нереферентный генитивный субъект — будучи в пассивном залоге:

(75) Гостиницы *не построено*

Однако генитивный субъект возможен также при глаголах восприятия, местонахождения, перемещения, когда субъект может быть и референтным, как в (76)–(78):

(76) Отклонений *не наблюдалось*

(77) Отца *не было* на море

(78) Ответа *не пришло*

Одну из загадок при семантическом подходе к генитиву субъекта составлял глагол *быть*. У него традиционно различаются два значения — бытийное (*у нас были возражения* = ‘имелись, существовали’) и локативное (*мы были дома* = ‘находились’), см. [Lyons 1968/1978]. У бытийного *быть* генитив отрицания семантически мотивирован: бытийное *быть* входит в широкий класс бытийных глаголов (таких как *существовать, иметься*), которые обычно имеют нереферентный субъект, см. [Арутюнова 1976]. Однако генитивная конструкция возможна и при локативном *быть*, которое имеет субъектом референтную именную группу, ср.:

- (79) а. *Такой партии* не было — бытийное *быть*; нереферентный субъект
 б. *Геологической партии* не было на базе — локативное *быть*; референтный субъект

Генитивному субъекту в контексте локативного *быть* в [Падучева 1992] было предложено следующее объяснение. Дело в том, что генитивный субъект допускают не только бытийные глаголы, как считал Бэбби, но и глаголы восприятия (см. [Ицкович 1982: 54]), как в (76), или глаголы с перцептивным компонентом, как в (78) (*пришло* — значит ‘вошло в поле зрения наблюдателя’). Генитивная конструкция добавляет к семантике локативного *быть* этот перцептивный компонент. Иначе говоря, она вводит в концепт ситуации фигуру **наблюдателя**: предложения типа (77) или (79б) выражают не просто отсутствие, а наблюдаемое отсутствие — субъект наблюдения, по умолчанию, говорящий.

В самом деле, жителю Москвы (для которого нормально не находиться в Лондоне) для осмысления, скажем, предложения (80а) необходимо предположить тот или иной сложный контекст; между тем (80б) в устах того же говорящего будет вполне естественно, поскольку предполагает наблюдателя в Москве (NB изменение места фразового ударения):

- (80) а. *Коли нет* в Лондоне
 б. *Коли нет* в Москве

Предложение (81а) описывает ситуацию с участием наблюдателя, а (81б) является просто отрицанием предложения *Мое шампанское было в холодильнике*:

- (81) а. *Моего шампанского не было* в холодильнике
 б. *Мое шампанское было не* в холодильнике

Классический наблюдатель (см. [Апресян 1986]; [Падучева 1996: 266–271]) — это участник с семантической ролью Экспериментера, занимающий определенное место в физическом пространстве ситуации (откуда он способен воспринимать происходящее), но не выраженный в поверхностной

структуре предложения. Термин «наблюдатель» понимается и в более широком смысле — не только как подразумеваемый субъект восприятия, но и как субъект сознания, обладания и проч. И генитив субъекта при не-бытийных глаголах выражает не только отсутствие в поле зрения, как в (76), (77), (80), но также в сознании, как в (82а), или в «личной сфере» наблюдателя-говорящего, как в (82б):

- (82) а. Должной эрудиции у него *не обнаружилось*
 б. Денег *не осталось*

Референт наблюдателя в семантике генитивной конструкции подвергается тем же правилам проекции (от говорящего к субъекту подчиняющего предложения), что, например, в семантике глагола *показаться*:

- (83) а. #На дороге *показался я* — аномалия, поскольку объект и субъект наблюдения совпадают
 б. Он говорит, что именно в этот момент на дороге *показался я* — нет аномалии
- (84) а. #*Меня нет* дома — аномалия, поскольку презумпция ‘наблюдатель-говорящий в доме’ противоречит ассерции ‘говорящего нет в доме’
 б. Ему сказали, что *меня нет* дома — нет аномалии, поскольку нет презумпции ‘наблюдатель-говорящий в доме’

Известно несколько семантических классов глаголов, которые могут иметь при отрицании генитивный субъект — их можно назвать **генитивными**. Это глаголы бытия, наличия, возникновения, появления, проявления, исчезновения, обнаружения, выявления (см. [Babby 1980: 128–129]) и, разумеется, глаголы восприятия — такие как *доноситься, слышаться, наблюдаться, отмечаться, регистрироваться, фиксироваться, оказаться, обнаружиться, сниться, найтись*.

Строго говоря, для окончательного выбора падежа важен не класс глагола, а наличие компонентов «несуществование» или «отсутствие в поле зрения» в составе его значения в данном контексте². Так, глагол движения становится генитивным, если перемещение Вещи означает ее появление в поле зрения наблюдателя, ср. пример из [Babby 1980] (с другим анализом):

² Как сказано в [Levin, Rappaport Hovav 2005: 16], сейчас имеется все больше свидетельств в пользу того, что «it is the elements of meaning that define verb classes that are most important, and the verb classes themselves are epiphenomenal (<...> — even if they might be useful in statements of certain generalizations».

(85) *Ни одной подлодки не всплыло* = ‘не вошло в поле зрения’

Предложение (86а), с номинативом, отражает взгляд изнутри, а (86б), с генитивом, — со стороны внешнего наблюдателя:

(86) а. У меня отказали голосовые связки. Пробовал кликнуть жену — *ни один звук* не вырвался из гортани (пример из [Babby 1980:61])
б. *Ни одного звука* не вырвалось из его гортани

Компоненты «несуществование» и «отсутствие в поле зрения»³ могут входить в семантической структуре глагола в разного рода конфигурации с другими компонентами. Так, *X-а не возникло* = ‘X не начал быть’; *X-а не требуется* = ‘не необходимо, чтобы X был’; *X-а не попало*, *не встретилось* = ‘X не начал быть в поле зрения’.

Компоненты «несуществование» и «отсутствие в поле зрения» связаны друг с другом отношением семантической деривации, ср. чередование этих двух компонентов (и их положительных аналогов «существование» и «наличие в поле зрения») в семантике глаголов *появиться*, *исчезнуть*, *возникнуть*, *оказаться* и др. [Падучева 2004: 150]. Так, глагол *появиться* имеет в разных контекстах то один, то другой компонент: *не появилось нужного препарата* = ‘препарат не начал существовать’; *не появилось домов на горизонте* = ‘дома не начали быть в зоне восприятия’. Ср. также пример семантической деривации от невосприятия к отсутствию и, далее, к несуществованию из [Демьянова 2006]: в (87а) *не видел* (с исходным значением невосприятия) выражает отсутствие, а в (87б) даже несуществование:

(87) а. Чтобы я тебя больше здесь *не видел* ≈ ‘чтобы ты больше здесь не находился’
б. Чтобы я *не видел* твоих слез ≈ ‘чтобы твои слезы не имели места’

Следует подчеркнуть, что перцептивный компонент создает предпосылку для отнесения глагола к генитивному классу, но не гарантирует генитивности. Так, глагол *пахнуть* предполагает наблюдателя, но не является генитивным (*цветы не пахли* / **цветов не пахло*) в силу других особенностей своей семантической структуры, см. [Падучева 2008]. Более того, принадлежность к классу генитивных означает лишь **возможность**, но никак не **необходимость** глагола входить в генитивную конструкцию.

³ Не исключены и другие «генитивные» компоненты. Так, *у ожидается* (*Маши в Москве не ожидается*) генитивность идет от *ожидать* — интенционального глагола, который может управлять генитивом и в неотрицательном контексте (*ожидать развязки*).

О контекстных факторах, которые запрещают генитивному глаголу иметь генитивный субъект, см. [Падучева 1997].

В [Борщев, Парти 2002] для объяснения генитива отрицания используются понятия **перспектива** и **центр перспективы**. В ситуации, описываемой предложением с двумя участниками, Вещь и Место, центром перспективы может быть и тот и другой. Обосновываются следующие правила.

Правило 1. Если центром перспективы является Вещь, то мы имеем обычное (не бытийное) предложение — с номинативным субъектом.

Правило 2. Если же центром перспективы является Место, то предложение оформляется генитивной конструкцией.

Пример:

- (88) а. *Газеты* в киоск не поступили
 б. *Газет* в киоск не поступило

В (88а) центром перспективы является Вещь; «наблюдающая камера» следит за газетами и их перемещением; соответственно, субъект в номинативе. В (88б) центр перспективы — киоск, Место; отсюда по Правилу 2 возникает генитивная конструкция. Выбор падежа обусловлен разными концептуализациями одной и той же ситуации — а именно, выбором центра перспективы. Понятие перспективы позволяет выбрать падеж субъекта без обращения к референтности субъектной именной группы.

Согласно широко распространенной гипотезе, генитив выражает тот факт, что участник Вещь (подлежащее) входит в сферу действия отрицания. В работе [Partee, Borschev 2002] показано, что это условие, с одной стороны, не обязательно для употребления генитива, а с другой стороны — не исключает номинатива. Первая часть утверждения доказывается примером (89) — именная группа *ни один студент* входит в сферу действия отрицания, но не маркирована генитивом; вторая часть — примером (90): именная группа *чего-нибудь* маркирована генитивом, хотя не входит в сферу действия отрицания.

- (89) *Ни один студент* на концерте не был = ‘неверно, что хоть один студент был на концерте’
- (90) Может быть, у него *чего-нибудь* нет = ‘может быть, есть что-то, чего у него нет’

Генитив отрицания следует отличать от генитива партитивного. Так, противопоставление генитива в (91а) номинативу в (91б) имеет, надо думать, партитивную семантику; никакого другого различия между генитивом и номинативом субъекта в контексте родового субъекта усмотреть нельзя:

- (91) а. В нашем лесу *лесей* не водится
 б. В нашем лесу *лоси* не водятся

Значение партитивности более наглядно у генитива объекта, где партитивность можно выразить (или не выразить) не только в отрицательном контексте, но и в утвердительном:

- (92) а. Не клади *соль* — ср.: Положи *соль*
 б. Не клади *соли* — ср.: Положи *соли*

6.1.2. Генитив объекта

Семантика глаголов, допускающих генитив объекта при отрицании, достаточно разнообразна — это могут быть глаголы создания, восприятия, знания, обладания, перемещения (о влиянии лексики на выбор падежа объекта см. [Mustajoki, Heino 1991]):

- (93) Он не написал *этого письма* — глагол создания
 (94) Майор не слышал *этой фразы*; Я не читал *этих книг* — глагол восприятия
 (95) Я не знаю *этой женщины*; Он не помнил *родной матери* — глагол знания
 (96) Я не получил *этого письма*; Бабушка так и не нашла *своих очков* — глагол обладания
 (97) Он не принес нам *своей статьи* — глагол перемещения; имеется в виду перемещение к наблюдателю

Однако в отрицательном контексте у всех этих глаголов возникают те самые смысловые компоненты, которые порождали конструкцию с генитивом субъекта:

- ‘X-а не существует’ / ‘X-а не начало существовать’ в (93);
 ‘X отсутствует’ / ‘X не вошел в поле зрения’ в (94);
 ‘X отсутствует в сознании’ / ‘X не вошел в сознание’ в (95);
 ‘X отсутствует’ / ‘X не вошел в личную сферу говорящего’ в (96), (97).

Так, *X не нашел Y-а в Z-е* значит ‘Y не находится в Z-е, и X это увидел / осознал’. Как легко видеть, семантически у глагола, допускающего генитив объекта, много общего с глаголами, допускающими генитив субъекта (см. п. 6.1.1): генитив объекта, как и генитив субъекта, возникает в контексте либо несуществования (*не написал писем*), либо наблюдаемого / осознаваемого отсутствия объекта или контакта с ним (*не слышал музыки, не нашел слов*). Различие в том, что в конструкции с генитивом субъекта создатель / наблюдатель / обладатель и т. д. находится за кадром,

а при генитиве объекта он может быть выражен подлежащим (см. [Падучева 2006]), ср. *Музыки не слышно* и *Музыки он не слышал*.

6.1.2.1. Генитив объекта и референциальный статус именной группы

Итак, генитив объекта в отрицательном предложении, как и генитив субъекта, кодирует одно из двух: 1) несуществование Вещи в мире или 2) отсутствие Вещи в поле зрения, сфере сознания или личной сфере наблюдателя.

Компоненты 1) и 2) возникают в значении предложения как результат взаимодействия лексического значения глагола и референциального статуса именной группы.

Что касается референциального статуса именной группы, то имеется следующая иерархия тематических классов имен, располагающая их по убыванию референтности (ср. [Timberlake 1975] — класс (а) максимально референтный, класс (е) максимально нереферентный:

- а) собственные имена людей (*Маша*);
- б) названия людей по функции и другие реляционные имена (*продавщица, мать*);
- в) индивидуальные неодушевленные имена (*картина*);
- г) имена функциональных объектов (*ключ, очки*);
- д) абстрактные и событийные имена (*справедливость, неприятности*);
- е) имена масс и множественные имена (*ветчина, машины*).

Если оставить в стороне квантифицированные именные группы (именные группы со словами, специально указывающими на их референциальный статус, типа *какое-то яблоко, это яблоко*), то единственный источник информации о референции именной группы — это тематический класс: имена масс и абстрактные имена нереферентные (поэтому *Я не ел каши* лучше, чем *Я не ел яблока*); собственные имена всегда референтные. Индивидуальные имена групп (б) и (в), если они определенные, приближаются к собственным именам, но имена функциональных объектов (*ключ, очки*) более склонны к генитиву, чем индивидуальные; так, нормально *Я не взяла ключей, очков* и странно *Я не взяла картины*.

6.1.2.2. Генитив объекта и лексическое значение глагола

6.1.2.2.1. «Генитивные» глаголы

Что же касается лексического значения глагола, то имеется несколько классов переходных генитивных глаголов (т. е. глаголов, допускающих, возможно наряду с аккузативом, генитив при отрицании):

- а) глаголы создания (*написать, построить*);
- б) глаголы восприятия (*видеть, слышать*);
- в) глаголы знания (*знать, понимать*);
- г) глаголы движения в сторону наблюдателя (*привести*);
- д) глаголы обладания (*иметь, содержать*).

В семантике глаголов этих классов в контексте отрицания может возникать один из двух компонентов, несуществование или наблюдаемое отсутствие, мотивирующих генитив объекта.

а) Глаголы создания

Глагол создания предсказывает референциальный статус своего объекта как нереферентный (так же как бытийный глагол предсказывает нереферентный статус подлежащего, см. п. 6.1.1):

- (98) не *написал* этого письма (⇒ ‘письма нет’)

Генитивным может оказаться глагол другого класса, если он употребляется в значении создания — например, *чувствовать* (пример из [Демьянова 2008]):

- (99) не *чувствую* раскаяния = ‘не испытываю раскаяния’; т. е. раскаяния ⟨моего⟩ не существует

б) Глаголы восприятия

Классы б) — д) являются генитивными за счет компонента «отсутствие в поле зрения / личной сфере». Так, в контексте *не дал, не купил, не показал* возникает семантическая конфигурация «отсутствие в личной сфере»:

- (100) не *показал* фотографии

Стативные глаголы восприятия *видеть, слышать, нюхать, знать* могут в отрицательном контексте обозначать просто отсутствие контакта (как в *Ее изнеженные пальцы не знали игл* = ‘не имели контакта с иглами’). И в этом контексте для объекта практически обязателен генитив; пример из [Демьянова 2008]:

- (101) Пришли ребята с Жорж-Банки, четыре месяца *берега не нюхали*, а их в порт не пускают. [Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)]

В (101) *не нюхали* выражает «отсутствие в личной сфере». В самом деле, в (102), где *нюхать* — глагол деятельности, генитив невозможен:

- (102) Правда, я не сижу целыми днями в кресле, положив ноги на ковровую скамеечку, и *не нюхаю душистую соль*. [А. Мариенгоф. Это вам, потомки! (1956–1960)]

Аналогичное «выветривание» допускает глагол *найти*. В своем исходном значении *найти* имеет презумпцию ‘искать’. В семантически выветренных употреблении эта презумпция пропадает, и *не найти* максимально приближается к ‘не увидеть’. Про глагол *видеть* известно, что в отрицательном контексте он несет импликацию отсутствия (*не вижу рвения* ⊃ ‘скорее всего, рвение отсутствует’). То же самое верно и для *найти*, см. [Беляева 2008]:

- (103) Узнав о кончине горячо любимого пастыря, ефесские христиане бросились раскапывать его могилу — и *не нашли там тела*. [Журнал Московской патриархии (2004)] (= ‘увидели, что тело отсутствует’)

Иными словами, *не найти* в выветренном значении ‘не увидеть’ имеет то же значение, что *быть* наблюдаемого отсутствия, — с той разницей, что в роли наблюдателя выступает субъект глагола *найти*.

Возникает вопрос: если верно, что генитив выражает наблюдаемое отсутствие, то как объяснить, что объект в ситуации наблюдаемого отсутствия может маркироваться также и аккузативом? Например:

- (104) не обнаружил *свою машину*

Ответ для генитива отрицания такой же, как для генитива партитивного: маркирование партитивности генитивом в русском языке возможно, но не обязательно, см. пример (92) — в одной и той же ситуации можно сказать *положи соли* и *положи соль*. Аналогично, несуществование и наблюдаемое отсутствие может кодироваться генитивом, но может оставаться невыраженным. На настоящий момент норма такова, что при наличии семантической конфигурации «наблюдаемое отсутствие» предпочтителен генитив объекта. Однако аккузатив в принципе возможен почти всегда.

в) Глаголы знания

Непереходных глаголов с компонентом «знание» практически нет, таким образом, редок и соответствующий тип употреблений генитива субъекта (см. п. 6.1.1). Между тем генитив объекта при глаголах знания распространен широко:

- (105) *не знаю* этой студентки; *не понял* объяснения

Местоимение *этот* может иметь анафорическую функцию (‘тот, о котором шла речь’, а не ‘ближайший к говорящему’) и не противоречит возможному невхождению объекта в личную сферу говорящего. Противопоставление по определенности (известности), выражаемое номинативом / генитивом субъекта, связано с идеей знания.

г) Глаголы движения (в сторону наблюдателя)
См. примеры (85), (86) из п. 6.1.1.

д) Глаголы обладания (посессивные)

К этому классу принадлежит глагол *иметь*, который обладает абсолютной генитивностью; ср. также *получить*, *достать*, *доставить*, *купить*. В [Десятова 2008] к посессивным отнесены глаголы *содержать*, *сохранить* — *сохранять*, *хранить*. Глагол *содержать* в стативном посессивном значении (ср., например, *содержать углеводы*) почти однозначно идентифицирует статус объекта как нереферентный — и, тем самым, лицензирует генитив:

(106) За последние пять лет он не видел ни одного исследования, *не содержащего* ошибок.

Аккузатив *номер* в примере (107) из Корпуса — свидетельство «аккузативной агрессии»: более естествен в этом контексте был бы генитив.

(107) Постановление *не содержит номер* решения руководителя налоговой инспекции, на основании которого оно вынесено...

6.1.2.2.2. «Аккузативные» глаголы

Наряду с перечисленными выше **генитивными глаголами**, требующими при отрицании родительного падежа, имеется, наоборот, несколько классов переходных глаголов с предпочтительным **аккузативом отрицания**:

- а) глаголы физического воздействия (*открыть*, *разбить*);
- б) глаголы эмоции (*испугать*, *обрадовать*);
- в) глаголы речи (*позвать*, *похвалить*).

В контексте такого глагола генитив объекта при отрицании возможен разве что при условии того или иного сдвига лексического значения.

а) Глаголы физического воздействия

В классе глаголов физического воздействия (*открыть*, *покрасить*, *разбить*) следует различить собственно воздействие (*открыть*) и уничтожение — каузацию несуществования (*разбить*). Для глагола воздействия презумпция существования объекта и, как следствие, аккузатив, очевидны. Сложнее объяснить запрет на генитив отрицания при глаголах уничтожения. Исходное утвердительное предложение с глаголом уничтожения означает прекращение существования. Тем самым отрицательное предложение с глаголом уничтожения, особенно совершенного вида, оказывается в каком-то смысле тавтологичным — оно утверждает то, что составляет его презумпцию:

(108) Я *не разбил* чашку

Совершенный вид глагола в предложении с таким глаголом почти обязательно порождает ту или иную **импликатуру** — например, ‘известно, что собирался’, или ‘ожидалось’, и т. д.:

(109) Террористы *не взорвали* газопровод \supset ‘ожидалось что взорвут’

Поэтому в контексте отрицания чаще употребляются глаголы уничтожения несовершенного вида, как в (110), и в этом случае генитив означает, что отрицается не только действие субъекта, но и существование объекта действия или его присутствие в поле зрения / личной сфере предполагаемого деятеля или говорящего.

(110) Лучше сознавайтесь, озорной народ, что в чулане мою голубую чашку разбили! А я чашки *не разбивал*. И Светлана говорит, что *не разбивала*. (А. Гайдар)

В работе [Летучий 2008] приводится пример на генитив отрицания в контексте глагола уничтожения (*убивать*) и объекта, обозначенного именной группой с непрерываемой презумпцией существования и единственности (*мать*):

(111) 52-летний Филипп Шут утверждает, что *не убивал матери*.

Генитив в (111) не отменяет презумпции существования и единственности матери. Дело, однако, в том, что конкретная референция, которую обычно имеет именная группа вида *мать X-а*, не сводится к этой презумпции: есть еще момент ‘говорящий имеет в виду данный объект’ (см. [Падучева 1985/2009: 96–97]), или иначе — ‘Вещь присутствует в поле зрения или личной сфере говорящего’. Но в некоторых случаях этот компонент отсутствует в семантике подобных именных групп: в [Donnellan 1979] таким группам приписывается особый **атрибутивный статус**. Семантический эффект генитива в (111) в том, что он подчеркивает атрибутивный, а не конкретно-референтный статус именной группы *мать*. Так что *не убивал матери* и *не убил мать* — это семантическая оппозиция (‘мать вне поля зрения говорящего’ vs. ‘в поле зрения говорящего’), а не просто стилистическое варьирование. О несовершенном виде при отрицании подробнее см. п. 6.2.

Как правило, однако, генитивная именная группа в контексте глагола воздействия интерпретируется все же как конкретно-референтная, а не атрибутивная и воспринимается как чисто стилистический вариант, характерный для старшей нормы. Так, в (112), (113) можно заменить генитив на аккузатив без изменения значения:

(112) Чтобы этот кошмар не раздавил Иуды, художник разрешает его тут же прелестью непосредственной жизни, хотя мысль и её таинственно преобразует в будущее... [И. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]

(113) Неожданное известие о свадьбе Елены чуть не убило *Анны Васильевны*. [И. С. Тургенев. Накануне (1859)]

В случае абстрактной именной группы норма требует генитива; ср. трактовку абстракций как имен массы в [Jespersen 1924/1958] и оттонок партитивности в (114):

(114) Годы в тюрьме не убили его обаяния (пример из [Летучий 2008])

б) Глаголы эмоции

Аккузатив при глаголах типа *испугать, обрадовать, рассердить* предсказан тем, что их объектом является лицо, а лицо занимает верхнюю точку на шкале конкретной референции:

(115) Это сообщение не испугало Марию (^{??}*Марию*)

Если объект — нереферентная именная группа, то генитив возможен:

(116) Я не люблю громкой музыки

в) Глаголы речи

Имеются в виду глаголы типа *позвать, похвалить*. Они предсказывает тематический класс своего дополнения как **лицо** и, опять-таки, статус объектной именной группы как **конкретно-референтный**. Так, генитив невозможен в контексте собственного имени лица, и возможен в контексте имени массы:

(117) а. *Почему не пригласили *Маши*?

б. Почему не пригласили *молодежи*?

В контексте, где объект — речевое произведение, глагол речи — это глагол создания, что дает семантически мотивированный генитив:

(118) Может, Достоевский и воображал себя убийцей, иначе он *не написал бы романа*, но ведь это же не есть реальный поступок, за который он несёт юридическую и моральную ответственность. [М. М. Бахтин. О полифоничности романов Достоевского (1971)]

Глаголы речи с прямым дополнением, выражающим содержание (*говорить* <чепуху>, *рассказывать* <анекдоты>), имеют два употребления — 1) в значении создания нового текста и 2) в значении воспроизведения

имеющегося. В первом значении они имеют объект в генитиве — по общему правилу о глаголах создания, у которых компонент существования имеет ассертивный статус, см. (119); при втором значении вступает в силу противопоставление по определенности (известности) и, соответственно, возможен и аккузатив, и генитив, см. (120):

(119) По крайней мере, он *не говорил ерунды*

(120) а. Он не рассказывал *эту историю*
б. Он не рассказывал *этих анекдотов*

Если глагол речи концептуализует ситуацию как помещение объекта в поле зрения, то допустим генитив:

(121) Он не упомянул *твоей подруги*

6.1.3. Генитив субъекта и генитив объекта: сходства и различия

Итак, семантика генитивного субъекта и объекта в отрицательном предложении обнаруживает существенную общность. Решающее значение имеют компоненты ‘несуществование’ и ‘отсутствие в поле зрения’, которые порождаются контекстно обусловленной семантикой глагола и референциальным потенциалом имени.

Глаголы, допускающие генитив субъекта, составляют семантически гораздо более определенный класс, чем глаголы генитивного объекта. Возьмем, например, глаголы *возникнуть* и *исчезнуть*. Они антонимы и по отношению к генитиву отрицания ведут себя по-разному: *возникнуть* — глагол бытийный и, следовательно, генитивный, а *исчезнуть* не бытийный (прямо наоборот, он несет презумпцию существования субъекта, который потом исчез) и не генитивный; при *возникнуть* субъект в генитиве, а при *исчезнуть* — в номинативе:

(122) а. *Сомнений* не возникло
б. *Сомнения* не исчезли

Между тем в сфере объектного генитива глагол и его антоним часто имеют одинаковую «генитивность». Получается, что у исходного глагола, как в примерах группы (а), генитив семантически мотивирован, а у антонима, группа (б), он следствие своего рода аналогического выравнивания:

(123) а. не построили *мостов* — б. не разрушили *мостов*
а. не назначили *собрания* — б. не отменили *собрания*
а. не помню *твоей фразы* — б. не забыл *твоей фразы*
а. не нашел *своих записей* — б. не потерял *своих записей*

В классе глаголов уничтожения генитив субъекта (см. п. 6.1.1) невозможен, и это семантически оправдано, поскольку уничтожить можно только то, что существовало; между тем генитив объекта у того же глагола в активном залоге допустим:

- (124) а. **сомнений* не рассеялось — б. не рассеял *сомнений*
а. **собрания* не отменено — б. не отменили *собрания*
а. **договора* не нарушено — б. не нарушили *договора*

Впрочем, употребление аккузатива объекта при отрицании почти нигде (за исключением нескольких устойчивых сочетаний) не будет ошибкой, тогда как генитив vs. номинатив субъекта может выражать отчетливые семантические противопоставления.

6.2. Корреляция отрицания с несовершенным видом глагола

Особого рассмотрения в контексте отрицания требует также **несовершенный вид** глагола. В рамках так называемой трансформации отрицания предусматривалась возможность замены СВ на НСВ в контексте отрицания [Падучева 1974/2007: 149]: *Иван подписал это письмо — Иван не подписал / не подписывал это письмо*. Однако такая замена иногда обязательна (как, например, в контексте модального предиката, см. п. 6.2.3, или в императивном контексте), иногда факультативна, а иногда невозможна. Так что общие правила взаимодействия отрицания с видом глагола следует описывать непосредственно, а не через трансформацию.

У несовершенного вида в русском языке различаются два значения — актуально-длительное (прогрессив), основное, и общефактическое, вторичное, во многом сближающееся со значением совершенного вида. Дополнительные аспектуальные различия могут быть обусловлены лексической семантикой глагола. Кроме того, отдельную область составляют многократные значения несовершенного вида, в частности узуальное.

Различие между актуально-длительным значением, как в (125а), и общефактическим, как в (125б), состоит в том, что актуально-длительное предполагает **синхронную** позицию наблюдателя, а общефактическое — **ретроспективную** [Падучева 1986]; соответственно, (125а) описывает ситуацию, не достигшую своего естественного предела (результата), а в (125б) достижение результата не исключено или даже подразумевается:

- (125) а. Когда ты позвонил, я *читал* твою статью
б. Я *читал* твою статью

До сих пор не обращалось должного внимания (см., однако, [Гловинская 1982: 141]) на то, что в отрицательном контексте несовершенный вид чаще всего выступает не в основном, синхронном, а в ретроспективном значении, см. (126а). Синхронное значение, как в (126б), возможно разве что в контексте противопоставления и требует особой просодии; а (126в), с генитивом объекта (см. п. 6.1.2), оно и вовсе невозможно:

- (126) а. Я не читал *твою статью* / *твоей статьи*
 б. ^{???}Когда ты позвонил, я не читал *твою статью*
 в. *Когда ты позвонил, я не читал *твоей статьи*

Синхронное понимание несовершенного вида в отрицательном предложении легко возникает у непредельных (т. е. непарных) глаголов НСВ или у глаголов, у которых в соответствующем утвердительном предложении НСВ имеет узуальное или стативное значение:

- (127) а. Когда ты позвонил, он *спал* / *не спал* — непредельный глагол
 б. Он *приносил* / *не приносил* им молоко по пятницам — НСВ узуальное
 в. Мы *успеваем* / *не успеваем* на электричку — НСВ стативное

Что же касается парных по виду глаголов, то у них синхронная интерпретация отрицательного имперфектива возможна лишь как следствие некомпозиционного взаимодействия вида глагола с отрицанием. А именно, сочетание «глагол НСВ + отрицание» может описывать **состояние ненаступления** события. Так, в (128) сочетание событийного глагола *замечать* с отрицанием обозначает длящееся состояние; аналогично со *спрашивать*:

- (128) а. Я подошел и остановился в двух шагах. Они *не замечали* меня, занятые разговором. (А. Куприн) (пример приводится, с другой интерпретацией, в [Рассудова 1982: 67])
 б. ⟨...⟩ он молчал, она *не спрашивала*, но видела сквозь его карие глаза, как он мучается своей виноватостью, глядя на неё. [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)]

Состояние ненаступления события может быть охарактеризовано с точки зрения длительности. Так, в примерах из (129) отрицательный имперфектив входит в сферу действия обстоятельства времени, которое выражает длительность состояния ненаступления событий «сел за стол» и «отпустила»:

- (129) а. Я три недели *не садился* за стол
 б. ⟨...⟩ три дня она ⟨...⟩ бедную Машу от себя *не отпускала* ни на шаг. [Л. Улицкая. Медя и ее дети (1996)]

Существенно, однако, что предложения из (129) не общеотрицательные (см. п. 3): они не являются отрицаниями странного *#три недели садился*⁴ и еще более странного *#три дня отпускала*.

Обратимся теперь к общеотрицательным предложениям (см. п. 3) и к основному значению отрицательного имперфектива — ретроспективному. Значение ретроспективного НСВ в положительном контексте известно [Падучева 1996: 53–65] — несовершенный вид сближается по значению с совершенным: в одних контекстах НСВ и СВ квазисинонимичны (это так называемая конкуренция видов), в других сохраняются некоторые различия.

Оказывается, что ретроспективный НСВ в отрицательном контексте семантически соотносится с СВ почти так же, как в положительном. Иными словами, ретроспективное значение несовершенного вида в положительном и в отрицательном контексте почти одно и то же; выбор вида в отрицательном контексте определяется аналогичными факторами. Какие же это факторы?

Речь идет только о парных глаголах, поскольку лишь для них стоит проблема выбора вида. Парные глаголы делятся на два класса — предельные (приблизительно глаголы accomplishment по Вендлеру: *открыть* — *открывать*) и моментальные (приблизительно глаголы achievement: *понять* — *понимать*). Выбор вида в контексте отрицания для каждого из классов будет рассмотрен отдельно:

- 1) п. 6.2.1 о выборе вида при отрицании у предельных глаголов;
- 2) п. 6.2.2 о выборе вида при отрицании у моментальных глаголов.

6.2.1. Выбор вида в контексте отрицания: предельные глаголы

Ограничимся глаголами действия, типа *открыть*: неагентивные глаголы, типа *открыться*, требуют оговорок, которые должны быть сделаны отдельно.

В семантику предельного глагола действия входят два основных компонента — «деятельность» и «результат», — связанные каузальной связью. В общих чертах, толкование глагола СВ *открыть* таково:

Х открыл Y = ‘X действовал определенным образом; в результате, Y, который был закрыт, стал открыт’.

У предельного глагола СВ, по определению, есть форма НСВ с актуально-длительным значением: деятельность X-а может быть названа тем же

⁴ Знак «#» используется, чтобы показать, что слово / выражение / предложение аномально в том употреблении, которое имеется в виду, хотя допустимо в другом понимании.

глаголом в форме НСВ. Разница между видами в том, что у глагола совершенного вида (например, *Иван открыл окно*) в фокусе внимания компонент «результат», а у парного глагола несовершенного вида (*«В этот момент» Иван открывал окно*) в фокусе «деятельность»; результат присутствует как потенциально достижимая цель.

В классе предельных глаголов есть две разновидности — обычные предельные глаголы и конативы, т. е. глаголы попытки. Конативы — это действия, у которых деятельность составляет презумпцию, а ассерцией является достижение результата, см. в [Апресян 1980: 64] о глаголах *решишь, догнать* и в [Гловинская 1982: 89] о видовых парах типа ‘действовать с целью’ — ‘достичь цели’.

Презумптивный статус компонента «деятельность» у конативов дает себя знать в контексте отрицания — у конативов между отрицательным перфективом и отрицательным имперфективом имеется отчетливое различие:

- (130) а. не решил = ‘пытался решить и не решил’
 б. не решал = ‘не пытался решить’

Такая же разница в парах *не объяснил — не объяснял, не уговорил — не уговаривал, не догнал — не догонял* и многих других. Таким образом, общеотрицательным коррелятом для предложения (131а) может быть только (131б) — для более сильного отрицательного смысла (132в) ‘даже не решал’ семантика предложения (131а) не дает оснований, поскольку компонент «деятельность» составляет у *решишь* презумпцию:

- (131) а. Ваня *решил* задачу
 б. Ваня *не решил* задачу
 в. Ваня *не решал* задачу

Итак, в классе конативов отрицание глагола в форме СВ ни в коей мере не требует замены СВ на НСВ; «трансформация отрицания» принципиально НЕ сопровождается заменой исходного СВ на НСВ: НСВ ретроспективный ≠ СВ.

Иное дело — обычные предельные глаголы с постепенным накоплением эффекта типа *открыть, прочитать*, см. [Гловинская 1982: 76–86]. У них подвергаться отрицанию могут оба компонента сразу — не только результат, но и сама деятельность; причем если отрицается деятельность, то, тем самым, отрицается и результат. Поэтому предложение (132а) может иметь понимание, при котором оно квазисинонимично (132б):

- (132) а. Я еще *не прочитал* вашу статью
 б. Я еще *не читал* вашу статью

В самом деле, компонент «деятельность» у предельных действий не конативов не составляет презумпции и легко попадает в сферу действия отрицания. А поскольку отрицание деятельности влечет отрицание результата, отрицание НСВ оказывается квазисинонимичным отрицанию СВ:

(133) Эти люди *не платили* денег за билет, а остались здесь с предыдущего матча. [«Известия» (2001)] (*не платили* ≈ *не заплатили*)

Квазисинонимия НСВ общефактического и СВ (т. е. результативное значение НСВ общефактического) возникает иногда и в положительном контексте: *платили* может означать ‘заплатили’. Однако в отрицательном контексте несовершенный вид в результативном общефактическом значении употребляется значительно шире, чем в утвердительном. Так, в (134а) несовершенный вид под отрицанием квазисинонимичен совершенному, а несовершенный вид без отрицания в (134б), в отличие от совершенного, не имеет значения однократного действия, достигшего предела:

(134) а. Коля *не возвращался* ≈ Коля *не вернулся*
 б. Коля *возвращался* ≠ Коля *вернулся*

Дело в том, что, квазисинонимия НСВ общефактического и СВ в положительном контексте и в отрицательном контексте возникает разными путями. В положительном контексте — потому, что ретроспекция снимает идею незавершенности действия (т. е. недостижения результата), однозначно выраженную синхронным ракурсом: при ретроспекции достижение результата становится совместимым с семантикой НСВ. В отрицательном же контексте, наоборот, сближение значений СВ и НСВ по параметру результативности достигается за счет того, что отрицание убирает идею достижения результата из семантики СВ.

Однако несовершенный вид отличается от совершенного не только по параметру результативности, см. о периферийных компонентах семантики СВ в [Падучева 1996: 54]. Так, по умолчанию, в значении СВ есть **перфектный компонент**: ‘достигнутый результат сохраняется в момент наблюдения’. Так что НСВ может быть употреблен при отрицании вместо СВ для того, чтобы избавиться от компонента ‘в момент наблюдения существенно, что результат не достигнут’. Ср. различие в значении между *Не получили* и *Не получали* в ответ на вопрос *Получили ли?*: СВ выражает большую заинтересованность в получении.

Кроме того, оппозиция СВ / НСВ под отрицанием может состоять в том, что СВ отрицает только наличие результата, а НСВ подчеркивает **отсутствии намерения совершить действие**:

(135) а. Я *не купила* фрукты
 б. Я *не покупала* фрукты

Отсутствие намерения демонстрирует пример (136); *не дожидалась* ≠ *не дождалась*:

(136) Дни через три после этой сцены хозяйка принесла мне поутру кофе, как то делала всякий день; но в этот раз она уже *не дожидалась*, пока я возьму из рук ее чашку; она поставила все передо мною на столик и, не говоря ни слова, села задумчиво у окна. [Н. А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]

Еще один периферийный компонент в семантике СВ — **ожидание**. Он свойствен совершенному виду в утвердительном и вопросительном контексте, и в еще большей мере — в отрицательном:

(137) Ты *посмотрел* этот фильм? — ожидалось, что согласишься

(138) Я *не посмотрел* этот фильм — ожидалось, что посмотрю

Отрицанием для *Он умер* может быть *Нисколько он не умирал, не собирался даже*, поскольку совершенный вид *Он не умер* наталкивал бы на мысль, что что-то плохое с ним все-таки произошло. Ср. также:

(139) Я говорю был, ибо в живых его не почитаю, хотя физически он *не умирал*. [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]

Итак, о том, что отрицание сопровождается заменой СВ на НСВ, для класса предельных глаголов говорить не приходится: под отрицанием у каждого вида сохраняется своя семантика, свойственная ему и в положительном контексте.

6.2.2. Выбор вида в контексте отрицания: моментальные глаголы

У **моментальных** глаголов форма НСВ не имеет **актуально-длительного** значения, т. е. не обозначает деятельности, которая постепенно приводит к результату.

Среди моментальных глаголов есть **стативные** — такие, у которых НСВ обозначает состояние, наступившее в результате события, т. е. перфектное состояние. Это глаголы, которые входят в **перфектные пары**, т. е. пары, в которых НСВ выражает состояние, достигнутое предшествующим действием (обозначаемым СВ); например, *понять* — *понимать*, *заслонить* — *заслонять*, *увидеть* — *видеть* [Гловинская 1982: 91–104]; [Булыгина, Шмелев 1989]; [Падучева 1996: 152–160].

Стативный имперфектив не может иметь общефактического результативного значения в положительном контексте: *Кто понимал?* не импли-

цирует *Кто понял?* (в том смысле, в каком *Кто покупал?* имплицитно *Кто купил?*), на это было обращено внимание еще в [Boguslawski 1981]. Соответственно, нет и квазисинонимии НСВ прош. вр. ≈ СВ прош. вр.: у этих имперфективов нет динамики, направленной на переход в новое состояние. (Другое дело, что событие *понял* имплицитно подразумевает состояние *понимает*, наст. вр., т. н. перфектное значение совершенного вида, так что *не понял* ⊃ ‘не понимает’, см. [Падучева 1996: 153].)

У нестативных моментальных глаголов действия, таких как *приходить*, *находить*, *замечать*, *обращаться* НСВ хоть и не обозначает состояния, но тоже несовместим с актуально-длительным значением: эти глаголы имеют фиксированный акцент на результате и не допускают фокуса внимания на деятельности. Нельзя сказать **Он сейчас приходит, находит, замечает, заходит к приятелю, обращается к учителю*.

Но при ретроспекции у имперфектива нестативного моментального глагола (в утвердительном контексте) без затруднений возникает результативное значение:

- (140) а. Кто-нибудь *находил* мои очки? (≈ *нашел*)
 б. Я у вас ручку *брала* (≈ *взяла*)

Соответственно, при отрицании у таких глаголов СВ может заменяться на НСВ:

- (141) — Ты *взял* ключи? — Нет, *не взял* / Нет, *я не брал*

У моментального глагола *начать* отрицательный перфектив и имперфектив практически синонимичны: *не начал* ≈ *не начинал*.

При этом под отрицанием моментальный глагол НСВ может пониматься в сингулярном результативном значении в более широком классе контекстов, чем тот же глагол без отрицания. Так, (142а) ≠ (142б), поскольку НСВ, в отличие от СВ, подразумевает возможную утрату достигнутого состояния, а в контексте отрицания СВ и НСВ синонимичны, см. (143а) и (143б):

- (142) а. #Коля *находил* свой ключ
 б. Коля *нашел* свой ключ
- (143) а. Коля *не находил* своего ключа
 б. Коля *не нашел* своего ключа

Итак, в плане результативности СВ и ретроспективный нестативный НСВ моментальных глаголов почти равны. Если между ними ощущается различие, то оно, как и у предельных глаголов, касается периферийных компонентов значения СВ (см. выше п. 6.2.1): несовершенный вид может оказаться предпочтительным, поскольку он лишен периферийных компонентов.

Неакциональные глаголы требуют особого рассмотрения. Например, *не утратил* ни в коей мере не склонно чередоваться с *не утрачивал*.

6.2.3. Несовершенный вид инфинитива в контексте отрицаемой возможности и необходимости

Итак, при отрицании совершенный вид финитного глагола может меняться на несовершенный — такая замена семантически мотивирована, но, как правило, факультативна (см. выше пп. 6.2.1–6.2.2). Есть, однако контекст, где замена СВ на НСВ при отрицании обязательна. Это контекст отрицаемой модальности, см. [Рассудова 1982: 120–127].

Отрицание в контексте модальности **необходимости**, общей и деонтической, требует инфинитива глагола НСВ:

(144) Надо *открыть* окно — Не надо *открывать* окно (<*не надо *открыть*>)

(145) Ты должен (т. е. обязан) ей *помочь* — Ты не должен (т. е. не обязан) ей *помогать* (<*помочь>)

Какими бы средствами ни выражалось значение ненужности действия, употребление несовершенного вида инфинитива обязательно (см. [Рассудова 1982: 122]): *Да надо ли вам обращаться к этому человеку? Мне не рекомендовали сажать эти деревья; К чему возражать? Не за что его благодарить; Он не велел подчеркивать* и др.

Совершенный вид инфинитива означает, что необходимость не общая и не деонтическая, а эпистемическая:

(146) Думаю, Спартак *не должен встретить* большого сопротивления. [Футбол-4 (форум) (2005)]

Что касается модальности **возможности**, то несовершенный вид обязателен только при отрицании деонтической возможности (147); отрицание способности (148) и эпистемической возможности (149) не влияет на вид глагола:

(147) Здесь *нельзя переходить* улицу (= ‘запрещено’, деонтическая невозможность; *нельзя перейти* = ‘невозможно’)

(148) Он *не может переплыть* Волгу

(149) Иван *не мог ошибиться* (= ‘я не допускаю такой возможности’)

Как и в случае финитного глагола, НСВ инфинитива в контексте модального предиката семантически мотивирован: чтобы запретить действие,

достаточно запретить ведущую к нему деятельность. Подробнее о взаимодействии отрицания с модальностью см. в [Падучева 2016].

7. Отрицание и лексическая семантика

Отрицание может сложным образом взаимодействовать с лексической семантикой слов, входящих в сферу его действия. С этой точки зрения интересны, в частности, следующие случаи:

— взаимодействие отрицания с ассертивным компонентом в значении слова (НЕ (осуждаю за конформизм) = *не осуждаю за конформизм* vs. НЕ (обвиняю в конформизме) = *обвиняю не в конформизме*), см. п. 7.1;

— взаимодействие с актантной структурой слова (*не дошел двух километров* — **дошел два километра*), см. п. 7.2;

— т. н. слова с отрицательной поляризацией, употребляющиеся только или преимущественно в контексте отрицания (*это не связано с какими-либо конкретными задачами* — **это связано с какими-либо конкретными задачами*), см. п. 7.3;

— проблемы сферы действия внутрисловного отрицания (*не проигрывает* ≈ *выигрывает*, но *почти не проигрывает* ≠ *почти выигрывает*), см. п. 7.4;

— идиоматизация отрицания (*небольшой* ‘среднего размера’, *не в восторге* ‘не особенно нравится’), см. п. 7.5;

— отрицание при перформативах (*не обещаю*), см. п. 7.6;

— отрицание и т. н. двойственные слова (НЕ (*уже*) = *еще не*), см. п. 7.7;

— «отрицание отрицания» (*не не любит*), см. п. 7.8;

— плеонастическое отрицание (*жду, пока не придет* = ‘жду прихода’), см. п. 7.9.

7.1. Отрицание и ассертивный компонент в значении слова

Место отрицания в предложении может определяться лексической семантикой слова, а именно, членением его значения на **презумпцию** и **ассерцию**. Это было блестяще продемонстрировано в [Fillmore 1971] на примере английских глаголов со значением ‘осуждать’ и ‘обвинять’. В упрощенном виде, идея состояла в следующем. Оба глагола содержат в своей семантике пропозиции ‘Р плохо’ и ‘Р имеет место’; но у *осуждать* ‘Р имеет место’ — презумпция, а ‘Р плохо’ — ассерция, а у *обвинять* — наоборот.

Посмотрим, как ведут себя при отрицании русские глаголы *осуждать* и *обвинять*.

(150) а. НЕ (я *осуждаю* ↘ Джона за конформизм)

б. НЕ (я *обвиняю* Джона в конформизме ↘)

У глагола *осуждать*, пример (150а), пропозиция ‘Джон ведет себя конформистски’ составляет презумпцию и выражена в синтаксически подчиненном компоненте предложения, а ассерция ‘конформизм — это плохо’ выражена в главном предложении: *осуждать* = ‘считать, что плохо’. Поэтому общее отрицание для (150а) — это предложение с идеальным **предикатным** отрицанием (см. п. 5.1) (151). А у глагола *обвинять*, см. (150б), пропозиция ‘Джон ведет себя конформистски’, будучи, в соответствии с лексической семантикой глагола, главной ассерцией, выражена в предложении в синтаксически подчиненном его компоненте. Так что естественное отрицание для (150б) — предложение с **присловным** отрицанием (см. п. 5.1) (152). В самом деле, в (150б) фразовое ударение не на глаголе, а на контрастной реме — там оно остается и в отрицательном предложении:

(151) НЕ (я *осуждаю* ↘ Джона за конформизм) = Я *не осуждаю* ↘ Джона за конформизм

(152) НЕ (я *обвиняю* Джона в конформизме ↘) = Я *обвиняю* Джона *не* в конформизме (а в чем-то другом)

Предикатное отрицание, которое стоит не при слове, несущем главное фразовое ударение, является для предложения со структурой (150б) **смещенным** (см. п. 5.2):

(153) Я *не обвиняю* Джона в конформизме ↘

Ранее различие в ассертивном статусе компонентов было отмечено при сравнении глаголов *бояться* и *надеяться* в [Wierzbicka 1969]; см. также [Зализняк 1983].

7.2. Отрицание и актантная структура слова

Присоединение отрицания может изменить значение слова до такой степени, что у него появится новый семантический актант. Это замечательное явление было продемонстрировано в [Апресян 2006: 133–134] на примере глаголов с приставкой *до-* в ее основном значении доведения действия ‘до конца или какого-то предела’ (типа *добежать*, *дочитать*, *дослушать*).

Так, во фразе (155), в отрицательном контексте, появляется участник «недостача» (выражающий меру отстояния от конечного пункта), которого нет и не может быть в положительном контексте, во фразе (154):

(154) Он дошел до деревни

(155) Он не дошел двух километров до деревни

Как объяснить этот феномен? Для начала будем исходить (как и все существующие описания) из того, что глаголы с приставкой *до-* имеют единое значение: приставка *до-* превращает глагол НСВ, обозначающий деятельность, возможно неопределенную, в глагол СВ, означающий 'производя некоторую деятельность, дойти до некоторой точки в ее развитии'. Участник, выраженный именной группой с предлогом *до*, обозначает эту точку (например: *Я дочитал вашу рукопись до середины*), а если конечная точка синтаксически не выражена, подразумевается, 'до естественного конца' (например: *Я дочитал вашу рукопись = дочитал до последней страницы*).

Однако участник Конечная точка, если он выражен предлогом *до*, обозначает **итог** деятельности, но не обязательно **результат**, который совпадал бы с конечной целью Агенса. В самом деле, человек мог дойти (только) до Херсона, имея в виду прийти в Одессу, а мог иметь и менее определенную цель. Ср., например, неопределенную цель в (156):

(156) Долго бродил, пока не дошел до какой-то деревни. [«Вестник США» (2003)]

Так что Конечная точка и Конечная цель (естественный предел) — это разные сущности. Поэтому надо отбросить предположение о едином значении и различить две ситуации употребления глаголов с приставкой *до-*:

(157) а. Я *дочитал* вашу рукопись (от какой-то страницы, недалеко от конца, до конца)

б. Я *дочитал* вашу рукопись до середины (от начала до середины)

Теперь ясно, что предложение, в котором глагол с приставкой *до-* имеет интерпретацию (157б), вообще не имеет хорошего отрицания — как всегда бывает у глаголов с количественным пределом, см. [Падучева 1996: 187].

Отрицание глагола с приставкой *до-* возможно тогда, когда он употребляется в ситуации (157а), т. е. когда у деятельности есть конечная цель, неважно, имевшаяся в виду Агенсом или, так сказать, «объективная»:

(158) Он *дошел* до деревни — Он *не дошел* до деревни

(159) Я *дочитал* вашу рукопись — Я *не дочитал* вашу рукопись

Участник Недостача возникает при условии, что деятельность предполагает шкалу (пространственную, временную или какую-то еще), которая допускает измерение расстояния между той точкой, на которой она (деятельность) прекратилась, и ее предполагаемой конечной целью:

(160) Я не дочитал *двух страниц* <до конца вашей рукописи>

(161) Алексей *чуть-чуть* не дошел до лагеря, и мы уже рядом были, но, увы, сердце остановилось. [«Совершенно секретно» (2003)]

Участник Недостача — не единственное изменение модели управления *до*-глагола в отрицательном контексте. Второе изменение состоит в том, что участник, оформленный предлогом *до*, обозначает не конечную точку деятельности, как в утвердительном предложении, см. (163), а ее естественный предел, конечную цель.

Хотя, для простоты, речь шла о деятельности, глагол НСВ, к которому присоединяется приставка *до*-, может обозначать не деятельность, а процесс:

(162) До переводов «Одного дня» Папа Римский Иоанн XXIII *не дождал* нескольких недель. [А. Архангельский Послание к Тимофею (2006)]

Участник Недостача возникает также при отрицании глагола *хватить* в значении ‘быть достаточным’ (ср. [Рахилина 2010: 318]). Сравним предложения (163) и (164):

(163) Мне хватило *двух минут*, чтобы высказать все, что я о нем думаю

(164) Мне не хватило *двух минут*[↗], чтобы высказать все, что я о нем думаю[↘]

Предложение (164) не является отрицанием (163). В самом деле, (163) означает ‘у меня в распоряжении было две минуты’ [презумпция], ‘и этого было достаточно, чтобы высказать ему, все, что я о нем думаю’ [ассерция]. Его отрицание должно иметь смысл ‘у меня в распоряжении было две минуты’ [презумпция], ‘и этого было недостаточно, чтобы высказать ему, все, что я о нем думаю’ [ассерция], который может быть выражен как (165):

(165) Мне не хватило[↗] *двух минут*, чтобы высказать ему, все, что я о нем думаю

Между тем, (164) означает совсем другое: ‘чтобы высказать ему, все, что я о нем думаю, мне нужно было на две минуты больше, чем у меня было’. А дело в том, что в (164) *двух минут* выражает участника Недостача — которого нет ни в утвердительном предложении (163), ни в соответствующем

общеотрицательном (165). Он появляется в (164) в результате особого взаимодействия отрицания с лексическим значением глагола — аналогичного тому, которое имеет место в глаголах на *до-*.

Что касается взаимодействия внутрисловного отрицания с актантной структурой глагола, то более известно обратное соотношение: у глагола с отрицательным компонентом в значении часто отсутствует валентность, которая есть у соответствующего неотрицательного. Ср. известный пример **промахнуться в зайца*, при нормальном *попасть в зайца*, из [Мельчук, Холодович 1970] и о глаголах ликвидации результата (*навьючить верблюда тюками* — **развьючить верблюда от тюков*) в [Апресян 1974/1995: 290–292, 304–305].

7.3. Отрицательная поляризация

Отрицание создает контекст для широкого класса слов и выражений, обладающих **отрицательной поляризацией** [Haspelmath 1997]; [Богуславский 2001]. Это слова, которые сами по себе, быть может, и лишены отрицательного значения, но употребляются преимущественно в контексте семантически вышестоящего отрицания. Словами с отрицательной поляризацией являются *какой-либо* и другие местоимения серии *-либо* (см. [Pereltsvaig 2000]; [Рожнова 2009]). Отрицательную поляризацию имеют также местоимения серии *бы то ни было* [Падучева 2011а]. Другие примеры слов и сочетаний, которые уместны только в отрицательном контексте: *хоть* (*Не думаю, чтобы он выиграл хоть одну партию* — **Он выиграл хоть одну партию*), сочетание *так уж* (*Не скажу, чтобы он мне так уж нравился* — **Он мне так уж нравится*) [Кобозева 1976], *такой уж, очень-то, настолько, столь, больно* в значении ‘особенно’ (*не больно надо*).

Местоимения на *-либо* употребляются в контексте отрицания при ближайшем сказуемом, где они могут быть взаимозаменяемы с местоимениями на *ни-*, пример (166), но чаще — в контексте отрицания (эксплицитного и имплицитного, см. п. 2) в подчиняющей предикации, примеры (167), (168), или в контексте сравнительного оборота, пример (169), где отрицательные местоимения невозможны:

(166) Это не связано с *какими-либо* / *ни с какими* конкретными задачами

(167) У него не было причин *что-либо* (**ничего*) менять

(168) Неизвестно, была ли эта повесть *когда-либо* (**никогда*) закончена

(169) Он был внимательнее, чем *когда-либо* (**никогда*) прежде

Во всех этих контекстах возможны и местоимения на *бы то ни было*. Ср. пример употребления местоимения на *бы то ни было* в контексте слова с имплицитным отрицанием (*лишен*):

(170) После выхода из больницы он был лишен *каких бы то ни было* средств к существованию.

Отрицательные местоимения не реагируют на имплицитное и несопредикатное отрицание, т. е. встречаются строго в контексте эксплицитного сопредикатного отрицания.

Присловное отрицание (в семантически общеотрицательном предложении, см. п. 5.1) тоже лицензирует слова с отрицательной поляризацией [Рожнова 2009]:

(171) а. Не многие добились *какого-либо* успеха
б. *Многие добились *какого-либо* успеха

(172) а. Не часто он бывал на *каких-либо* вечеринках
б. *Он часто бывал на *каких-либо* вечеринках

Законы взаимодействия слов, работающие в рассматриваемой области, в своей основе семантические: на возможность употребления местоимения влияет отрицательный смысл, а не поверхностное отрицание. Так, в примерах (173), (174) в (а) есть нужный отрицательный семантический компонент, а в (б) двойное отрицание дает положительный смысл; отсюда невозможность местоимений на *-либо* и *бы то ни было*:

(173) а. Он врет, что читал *что-либо* / *что бы то ни было*
б. Он не врет, что читал **что-либо* / **что бы то ни было*

(174) а. Способность этого человека к *какой бы то ни было* деятельности не очевидна
б. Способность этого человека к **какой бы то ни было* / **какой-либо* деятельности не вызывает сомнений

Примеры (175) и (176) выявляют имплицитный отрицательный компонент в составе слов *мало* и *конец* — замена на антоним делает *какой бы то ни было* неуместным:

(175) а. Мало кто имел *какое бы то ни было* представление о предмете
б. *Многие имели *какое бы то ни было* представление о предмете

(176) а. Это конец *какой бы то ни было* свободной экономике
б. *Это начало *какой бы то ни было* свободной экономики

Известно, что семантическое разложение слова *только* выявляет в нем компонент «отрицание», см., например, [Богуславский 1985: 84]. И неудивительно, что *только* лицензирует серию *бы то ни было*:

(177) Только Иван выразил *какую бы то ни было* готовность помочь

В [Haspelmath 1997] в число контекстов, лицензирующих negative polarity items, включена конструкция *слишком ... , чтобы*. Этот контекст допускает и *бы то ни было*, что заставляет думать, что в толкование этой конструкции тоже входит отрицание:

(178) Адам слишком устал, чтобы делать *какую бы то ни было* домашнюю работу

Про единицы с отрицательной поляризацией в самых разных языках известно, что они допустимы не только в контексте отрицания, но и в некоторых других. Это верно и для *-либо* и *какой бы то ни было*. Имеется несколько неотрицательных контекстов, допускающих *какой бы то ни было*.

а) Условное предложение и деепричастный оборот с условным значением:

(179) Если в тело человека проник *какой бы то ни было* *⟨какой-либо, какой-нибудь⟩* микроб, организм выставляет на защиту всю свою систему иммунитета.

(180) Решая *какую бы то ни было* *⟨какую-либо, какую-нибудь⟩* частную задачу, надо думать о языке в целом.

б) Союзы *прежде чем, перед тем, как*:

(181) Перед тем как изложить на бумаге свои воспоминания *о ком бы то ни было* *⟨о ком-либо⟩*, Репин рассказывал о них нескольким людям.

в) Уступительный оборот:

(182) Безрелигиозный максимализм, в *какой бы то ни было* *⟨*какой-либо⟩* форме, ведет к деградации общества.

г) Вышестоящий квантор общности:

(183) Я всю косметику с *каким бы то ни было* *⟨с каким-либо⟩* ароматом убрала.

д) Сравнительный оборот:

(184) Он принес вреда больше, чем *какой бы то ни было* *⟨*какой-либо⟩* террорист.

е) Целевой оборот:

(185) Чтобы требовать от людей неукоснительного соблюдения *каких бы то ни было* *⟨каких-либо⟩* правил, нужно создать условия для их выполнения и назначить жесткие санкции за их нарушение

ж) Отрицание дизъюнкции:

(186) Там нет ни трудностей, ни *каких бы то ни было* *⟨каких-либо⟩* интересных задач

з) Вопрос:

(187) Задавал ли он тебе *какие бы то ни было* *⟨какие-либо⟩* каверзные вопросы?

Контексты, допускающие отрицательно поляризованные единицы, имеют в самых разных языках некоторую общность. Отсюда многочисленные попытки найти семантическое объяснение этой общности контекстов. Так, семантический подход к описанию контекстов отрицательной поляризации был разработан в рамках формальной семантики [Ladusaw 1980]. Однако отрицательно поляризующие контексты в разных языках совпадают не полностью. Отмечено (в [Veugens 1964]) расхождение контекстов отрицательной поляризации между русским и французским; значительные расхождения между русским и испанским найдены в [Рожнова 2009]. Очевидно, семантическая мотивированность тут не полная.

7.4. Сфера действия внутрисловного отрицания

Как мы видели (см. п. 7.3), способность создавать контекст отрицательной поляризации у частицы *не* и внутрисловного отрицания во многом сходная. Но в целом частица *не* имеет более широкую сферу действия, чем внутрисловное отрицание. Примеры из [Богуславский 1985: 57, 80].

Пример 1. В контексте *не* частицы *почти* и *практически* могут иметь особое значение: если *P* означает повторяющуюся ситуацию, то *почти* / *практически не-P* означает ‘почти всегда не-*P*’, т. е. ‘обычно не-*P*’ (а не ‘недалеко от *P*’):

(188) В таких партиях он *почти* / *практически* не проигрывает

При этом, однако, *не проигрывает* в контексте *почти* / *практически* нельзя заменить на близкое по смыслу *выигрывает*. Дело в том, что это особое значение возникает у *почти* / *практически* в контексте *не*-частицы,

но не в контексте внутрисловного отрицания. Так что *почти* в контексте *почти выигрывает* можно понять только как ‘недалек от выигрыша’, но не как ‘обычно не проигрывает’.

Пример 2. Сочетание *не нарушать* (*правило, традицию*) синонимично сочетанию *соблюдать* (*правило, традицию*). Однако замена на синоним может быть невозможна. Так, (189а) означает ‘в результате брака с иностранцем не происходит нарушения семейной традиции’, а (189б) — ‘(только) в браке с иностранцем состоит соблюдение семейной традиции’:

(189) а. Она *не нарушает* семейную традицию, выходя замуж за иностранца

б. Она *соблюдает* семейную традицию, выходя замуж за иностранца

7.5. Идиоматическое отрицание

В сочетании с некоторым классом прилагательных и наречий частица *не* имеет идиоматическое значение — не чистое отрицание, а «противоположность с оттенком умеренности» [Апресян 1974/1995: 292–294]; [Богуславский 1985: 25]: *небольшой, немалый, неплохой, немного, нередко, не близко, не слабо, не слишком*.

Сюда же относятся *не жажду, не в восторге* в значении ‘не особенно хочу’, ‘не слишком нравится’ [Апресян 2006: 139] и клишированные *understatements*: *не порадовал* ≈ *огорчил*, *не завидую* ≈ *сочувствую*; а *не сомневаюсь* и *уверен* почти синонимы.

Отрицание может нестандартным образом влиять на значение глагола. Так, *не* при глаголе *хотеть* в сочетании с глаголами *знать, думать, верить* может придавать глаголу *хотеть* (и тем более *желать*) усилительное значение неприятия [Апресян 2006: 138]:

(190) Не хочу знать, кто и зачем его сюда привел

Идиоматическим можно считать отрицание в примере (191), см. [Апресян 2006: 141], который естественно интерпретировать не как смещение, т. е., в синтаксическом смысле, как подъем отрицания (см. п. 5.3), а скорее как «возможность спуска»:

(191) Я *не* привык разговаривать в таком тоне ≈ Я привык разговаривать *не* в таком тоне

Отрицание в контекстах типа (192) тоже трактовалось как идиоматическое [Jespersen 1924/1958]; [Апресян 1974/1995]. В самом деле, вместо предполагаемого смысла (193), предложение (192) имеет смысл (194):

(192) Мешок *не весит* 50 кг

(193) НЕ (мешок весит 50 кг)

(194) Мешок весит меньше 50 кг

Почему ‘меньше’, а не ‘меньше или больше’, которое было бы стандартным отрицанием для ‘вес мешка равен 50 кг’? Однако в [Богуславский 1985: 27] идиоматичность отвергается. Дело в том, что предложение (192) является отрицанием не предложения (195), с нормальным фразовым акцентом на конечной именной группе, а предложения (196), с ударением на глаголе:

(195) Мешок весит 50 кг ↘

(196) Мешок весит ↘ 50 кг

Предложение (196) означает ‘мешок весит 50 кг или больше’; его отрицание, естественным образом, означает ‘мешок весит меньше 50 кг’. Так что интерпретация (194) предложения (192) вполне композиционна — она порождается регулярными правилами, учитывающими фразовый акцент. Остается, правда, вопрос, почему сдвиг фразового акцента с обстоятельства на глагол сопровождается таким изменением значения утвердительного предложения; но он не касается семантики коммуникативной структуры, а не отрицания.

7.6. Отрицание перформативного глагола

В [Lyons 1977: 771] ставится вопрос об особом значении отрицания в контексте **перформативного глагола**. По Лайонзу, высказывание *Я обещаю вернуться*, с перформативным глаголом, при отрицании дает *Я не обещаю вернуться*, которое он трактует как новый речевой акт — воздержание от обещания, non-commitment. Но такой речевой акт не вошел в обиход в современной теории речевых актов. И формулу *Я не обещаю...* естественно скорее трактовать как выражающую отказ от совершения речевого акта обещания. Можно думать, глаголы в перформативном употреблении не допускают при себе отрицания — аналогично тому, как не допускают отрицания глаголы во вводном употреблении, см. [Апресян 1974/1995].

С отрицанием перформативов можно также связать пример из [Апресян 2006: 139]. У глагола *жаловаться* в 1-м лице отрицание может распространяться не только на внутреннее состояние, плохое, но и снимать

компонент говорения; поэтому *Не жалуюсь* в ответ на *Как дела?* означает ‘все в норме’.

Иное дело — отрицание при императиве, который выражает определенный речевой акт: просьбу, требование и т. п. Предложение (197а) означает ‘прошу / требую /..., чтобы ты открыл дверь’; а (197б) означает не ‘не прошу / не требую /..., чтобы ты открыл дверь’, а ‘прошу / требую /..., чтобы ты не открывал дверь’:

(197) а. Открой дверь! б. Не открывай дверь!

Т. е. отрицается действие, а побуждающий речевой акт остается в силе, превращаясь в акт прогитива.

7.7. Отрицание и двойственность

Двойственными называют слова, такие что одно из них заменяет другое при тех или иных преобразованиях предложения. В данном случае речь идет о двойственности по отношению а) к переходу от предложения к его общему отрицанию; и б) по отношению к изменению сферы действия отрицания, в частности, при подъеме отрицания (см. п. 5.3).

Несколько пар адвербиалов, двойственных по отношению к преобразованиям, касающимся отрицания: *уже* и *еще*; *снова* и *на этот раз*; *еще раз* и *больше* (*не*); *тоже* и *в отличие от*; *хотя бы* и *даже*.

Рассмотрим отношение двойственности на примере частиц *уже* и *еще*. При переходе от утвердительного предложения к соответствующему общеотрицательному происходит замена частицы на двойственную:

(198) НЕ (мосты *уже* сняли) = Мосты *еще* не сняли

Как объяснить это явление? Слегка огрубляя картину, можно сказать, что частицы *еще* и *уже*, в одном из употреблений, описывают состояние ожидания:

(199) а. Ребенок *уже* спит ≈ (ребенок спит)_{АССЕРЦИЯ} & (ожидается: ребенок должен спать)_{ПРЕЗУМПЦИЯ}
 б. Ребенок *еще* спит ≈ (ребенок спит)_{АССЕРЦИЯ} & (ожидается: ребенок должен не спать)_{ПРЕЗУМПЦИЯ}

Поведение этих частиц под отрицанием определяется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, значение данных частиц составляет в семантическом представлении предложения презумпцию, а отрицание в общеотрицательном предложении присоединяется к слову, которое выражает ассерцию. Так что эти частицы не могут присоединять отрицание.

(В отличие, например, от частицы *только*, которая сама ассертивна, присоединяет отрицание и делает презумпцией предикативный остаток предложения, см. [Падучева 1977].) Во-вторых, презумпция, выражающая значение частиц *еще* и *уже*, — это семантический оператор, который имеет своим аргументом ассерцию предложения, обычно — с глагольной вершиной. Так что если присоединить отрицание к глаголу, то презумпция, которая строится на основе ассерции, тоже изменится на противоположную.

Поэтому поскольку прагматически нормальным отрицанием данного предложения будет предложение, которое отрицает его ассерцию и сохраняет презумпцию, то в данном случае, присоединив к глаголу отрицание, надо заменить одну частицу на другую — ведь они, так сказать, антонимичны:

(200) НЕ (ребенок *уже* спит) = ‘ребенок не спит & ⟨ожидалось, что⟩ ребенок должен спать’ = Ребенок *еще* не спит

(201) НЕ (ребенок *еще* спит) = ‘ребенок не спит & ⟨ожидалось, что⟩ должен не спать’ = Ребенок *уже* не спит

Подробнее о двойственности в контексте презумпции vs. ассерции см. [Падучева 2013: 241–247].

Пример (202) показывает, что замена частицы *уже* на двойственную нужна и при подъеме (и, соответственно, «спуске») отрицания:

(202) Не думаю, что мосты *уже* сняли ≈ Думаю, что мосты *еще* не сняли

В самом деле, *уже* несет презумпцию долженствования (ожидания), поэтому:

(203) Не думаю, чтобы мосты *уже* сняли = ‘думаю, что мосты не сняли & должны снять’ = Думаю, что мосты *еще* не сняли

У частицы *даже* нет двойственной; поэтому предложения с *даже* не имеют общего отрицания, см. п. 5.1.

Можно думать, двойственность относительно отрицания — это разновидность антонимии, которая обычно остается незамеченной; Так, она не учтена в [Апресян 1974/1995: 285–316].

7.8. «Отрицание отрицания»

Логическое правило о том, что **отрицание отрицания** эквивалентно утверждению, отчасти действует и в естественном языке: при соединении двух отрицаний при одной пропозиции (если это не кумулятивное

отрицание, см. п. 5.4) смысл оказывается утвердительным. Однако, как правило, два отрицания не в точности погашают друг друга. Например, одно отрицание может быть контрадикторным, а другое — контрарным (см. п. 3). В предложении (204а) первое отрицание контрадикторное, второе — контрарное, и оно, конечно, не равно (204б):

(204) а. Альфред *не не любит* современную музыку

б. Альфред *любит* современную музыку (пример из [Lyons 1977: 772])

Аналогично, *Я не недоволен* ≠ *Я доволен*. Впрочем, в (205) оба отрицания контрадикторные:

(205) И там, на дне души, никто *не «не знал*, что происходит», никто *не «заблуждался»*. [А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]

7.9. Плеонастическое отрицание

Плеонастическое отрицание — это своего рода отрицательное согласование; «лишнее» *не* возникает при глаголах типа *отрицать*, *запрещать*, *сомневаться*, *удерживаться*, *бояться*, *ждать*; при союзе *пока* (см. [Барентсен 1980]):

(206) Я едва удержался, чтобы его не ударить

(207) Буду ждать, пока он не придет

(208) Боюсь, как бы он не обиделся

8. Конструкции с имплицитным отрицанием

Имеются разнообразные языковые средства выражения идеи о том, что данное утверждение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов, — так сказать, иронически. Примеры (из [Шмелев 1958]):

(209) Есть из-за чего расстраиваться!

(210) Нашел о чем говорить (кого приглашать)!

(211) Стоило из-за него божью птицу губить! (А. П. Чехов)

(212) Охота была ему жениться!

(213) Очень нужно мне за ним следить!

(214) Нужны мне ваши деньги!

(215) Много ты понимаешь!

(216) Только этого не доставало! Тебя тут только не хватало!

(217) Хорош друг! Велика важность!

(218) Стану я пса кормить! (И. С. Тургенев); Стала бы я стараться, если бы знала!

(219) Будет он молчать!

Здесь можно сказать следующее.

1) Употребление в отрицательном смысле закрепляется за **словами, выражающими отчетливо положительный признак**. Такие слова, как *есть, стоило, очень нужно, охота, много, хороши, велик*, легче всего приобретают противоположный смысл ‘вовсе нет’, ‘совершенно не стоило’, ‘совсем не нужно’ и т. д. Слова *стану, буду*, выражающие твердое намерение, при экспрессии (NB субъектно-предикатную инверсию) означают ‘совершенно не намерен’.

2) Форма будущего времени у **конативных глаголов** *дождаться, поймать, догнать*, выражающая возможность (см. п. 6.2.1), в конвенционально-ироническом высказывании означает полную **невозможность**:

(220) От вас дожدهшься! Таких поймаешь!

(221) Тебя догонишь! = ‘тебя не догонишь’ = ‘тебя нельзя догнать’

3) ИмPLICITное отрицание выражает **конструкция так ... и**:

(222) Так он тебе и сказал (скажет)!

(223) Так я ему и поверил (поверю)!

(224) Так они и дали (дадут) тебе эту премию!

(225) Так я и пошел (пойду)!

(226) Так я вас и побоялась (побуюсь)!

4) Такие слова и выражения как *как же, как бы не так, черта с два, держи карман шире, нечего сказать, жди, дожидайся* показывают, что предшествующее высказывание следует понимать **в противоположном смысле**:

(227) Поехала (поедет) она с тобой, дожидайся!

5) Один из способов выразить отрицательное суждение — **риторический вопрос**. Он приблизительно равнозначен утверждению того предложения, которое получится, если вопросительное местоимение заменить на отрицательное (и, разумеется, добавить обязательное в русском языке *не* к сказуемому):

(228) Кто может объять необъятное? (К. Прутков) ≈ ‘Никто не может объять необъятного’

(229) И какой же русский не любит быстрой езды! (Н. В. Гоголь «Мертвые души») ≈ ‘всякий любит’

На модели вопросительного предложения основан целый ряд конвенциональных способов выражения эмфатического отвержения высказывания собеседника:

(230) Да кому он нужен? Ну что ему сделается? Да кто его презирает!

Высказывания этого типа выражают отрицательную реакцию на предшествующее высказывание, и этим они отличаются от риторических вопросов, которые не требуют диалогического контекста. Частица *только* в предложении (231) показывает, что предложение (231), в отличие от предложений из (230), не может быть понято как обычный вопрос:

(231) Зачем *только* держат на службе такую разгильдяйку? [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]

6) На базе вопросительного предложения строится оборот *Откуда я знаю?*, который служит для выражения **незнания** в качестве ответной реакции. В (232) возникает модальность **невозможности**:

(232) Откуда я возьму такие деньги?

7) **Конструкция с какой, какое** служит для выражения **возражения**; примеры из [Шмелев 1958]; [Шведова 1960]; [Падучева 1996: 304–307]:

(233) Какой он там ученый! Какие мы друзья! Какой же я посторонний! Какая уж там ирония! Какой тут отдых, когда дел столько? Какие там щи, если раков будем варить!

8) Значение **недостижимости** выражает **конструкция «куда + датив»**:

(234) *Куда тебе*, заморышу, браться за такое дело! [Ю. К. Олеша. В цирке (1928)]

(235) *Куда ему* людей тянуть, он сам еле тянется. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

(236) — Вот, хотела капусту посадить ⟨...⟩, да куда мне, шов болит, голова кружится, того и гляди, в борозду сунусь. [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

9) Конструкции, приводимые ниже, выражают осуждение или сожаление:

(237) Охота же вам было жениться! Надо же было мне опоздать! Черт меня дернул ему возражать! Черт меня за язык тянул!

10) Имплицитное отрицание может выражаться **ирреальной модальностью**:

(238) Чтобы я стала еще с ним связываться! Нашему теляти да волка поймати!

Оно входит в состав значения многочисленных оборотов:

(239) А мне-то что? = ‘мне до этого дела нет’

(240) Ему-то что? = ‘ему ничего плохого не будет’

11) Имплицитное отрицание вносит в подчиненную предикацию **оборот можно подумать** [Апресян 2006: 140]:

(241) Можно подумать, что ты этим довольна = ‘я думаю, что на самом деле ты этим недовольна’

Приведенный перечень конструкций с имплицитным отрицанием достаточно представительен, хотя, конечно, не является исчерпывающим.

9. Противопоставительное отрицание

Противопоставительное отрицание выражается конструкцией *не..., а*. Поведение частицы *не* в составе этой конструкции исследовано в [Богуславский 1985]. Оно существенно отличается от поведения обычного контрадикторного отрицания (см. п. 3). Известны, в частности, следующие особенности противопоставительного отрицания.

1) Воздействие на презумпцию

В контексте конструкции *не..., а* презумпция теряет свой статус неотрицаемости:

(242) Передо мной появился *не холостяк*, а молоденькая девушка (в семантике слова *холостяк* ‘мужчина’ — презумпция)

2) Воздействие на другие неассертивные компоненты

(243) Иван *не прилетел* на свадьбу дочери, а приехал на поезде (обычно *не прилетел* \supset ‘ожидалось, что прибудет на самолете’)

3) Разрушение идиоматических сочетаний

(244) Я *не сомневаюсь*, а просто хочу иметь полную информацию (обычно *не сомневаюсь* \approx ‘уверен’)

4) Отмена морфологических ограничений сочетаемости

Глагол несовершенного вида в контексте отрицания осмысливается обычно не в актуально-длительном, а в общефактическом значении, см. п. 6.2. Между тем в составе конструкции *не... а* это ограничение снимается, ср. (245а) и (245б):

(245) а. *Когда ты вошел, я *не обедал*
б. Когда ты вошел, я *не обедал*, а читал газету

Понимание глагола с отрицанием в актуально-длительном значении затруднено также в контексте некоторых обстоятельств [Богуславский 1985: 68]. В составе конструкции *не... а* это ограничение снимается:

(246) а. Он сейчас *не спит на диване* — только узуальное значение несовершенного вида: ‘обычно спит’
б. Он сейчас *не спит на диване*, а сидит за компьютером

Обязательность генитива объекта при отрицании (см. п. 6.1.2) у глагола *иметь* (и ряда других) отменяется, если отрицание противопоставительное:

(247) а. *Это сочетание *не имеет смысл*
б. Это сочетание *не имеет смысл*, а приобретает его в определенном контексте

Более подробно о противопоставительном отрицании см. [Богуславский 1985].

10. Библиография

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука. 1974. Переиздано в: Избранные труды. Т. 1. М. 1995.

Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \leftrightarrow Текст». Wien. 1980. (Wiener Slawistischer Almanach, SBd 1).

- Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*, 9(2–3). 1985. С. 289–317.
- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*, 28. М. 1986. С. 5–33.
- Апресян Ю. Д. Правила взаимодействия значений // Апресян Ю. Д. (Отв. ред.) *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур. 2006. С. 110–145.
- Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // *Семиотика и информатика*, 29. М. 1989. С. 34–92.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука. 1976.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык. 1983.
- Барентсен А. Об особенностях употребления союза *пока* при глаголах ожидания // *Studies in Slavic and general linguistics*, 1. Rodopi. 1980. P. 17–68.
- Беляева А. В. Объектный генитив отрицания при глаголах обладания и восприятия // Рахилина Е. В. (Сост.) *Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики*, 5. М.: Пробел-2000. 2008. С. 57–77.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука. 1985.
- Богуславский И. М. Модальность, сравнительность и отрицание // *Русский язык в научном освещении*, 1. 2001. С. 27–51.
- Борщев В. Б., Парти Б. Х. О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*, 37. М.: ВИНТИ. 2002. С. 59–77.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М.: Наука. 1989. С. 31–54.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука. 1982.
- Демьянова Е. А. Экспериментальное знание: контексты глаголов восприятия // Летучий А. Б., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (Ред.) *Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики*, 5. М.: Пробел-2000. 2008. С. 43–56.
- Десятова А. В. Генитив отрицания при посессивных глаголах // Летучий А. Б., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (Ред.) *Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики*, 5. М.: Пробел-2000. 2008. С. 32–42.
- Иорданская Л. Н. Семантико-синтаксические особенности сочетания частицы не с иллюкитивно-коммуникативными глаголами в русском языке // *Russian linguistics*, 9(2–3). 1985. P. 241–255.
- Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука. 1982.
- Кобозева И. М. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом Перенесения Отрицания в русском языке). АКД. М.: МГУ. 1976.
- Летучий А. Б. Генитив, классы глаголов и пресуппозиция // Летучий А. Б., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (Ред.) *Объектный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики*, 5. М.: Пробел-2000. 2008. С. 78–96.

- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М.: Наука. 1974. Изд. 2-е М.: УРСС. 2007.
- Падучева Е. В. Понятие презумпции и его лингвистические применения // Семантика и информатика, 8. М.: ВИНТИ. 1977. С. 91–124.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука. 1985. (Изд-е 6-е — УРСС. 2009.)
- Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР, 45(5). Сер. лит. и яз. 1986. С. 413–424.
- Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian linguistics, 16. 1992. P. 53–63.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры. 1996.
- Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания, 2. 1997. С. 101–116.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004.
- Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении, 2(10). 2005. С. 17–42. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rjns2005.pdf>
- Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания, 6. 2006. С. 21–44.
- Падучева Е. В. Генитив отрицания и наблюдатель в глаголах типа *звенеть* и *пахнуть* // Язык как материя смысла. К 90-летию со акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. 2008. С. 164–171.
- Падучева Е. В. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной полярностью // Вопросы языкознания, 1. 2011. С. 3–18. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/vnutrilex_neg-VJa.pdf
- Падучева Е. В. «Мало ли кто» и другие маргинальные предикативные конструкции. Конференция Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. Спб., 24–26 марта 2011.
- Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics, 39(2). 2015. P. 129–162. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Non_viridicalK.pdf
- Падучева Е. В. Модальность // Плуныян В. А., Добрушина Е. Р., Рахилина Е. В., Стойнова Н. М. (Ред.) Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб.: Нестор-История. 2016. С. 19–94.
- Пекелис О. Е. Семантика причинности и коммуникативная структура: *потому что* и *поскольку* // Вопросы языкознания, 1. 2008. С. 66–84.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. 1956. — 8-е изд. М. 2001.
- Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГТУ. 2011.
- Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. 2-е. М.: Русский язык. 1982.
- Рахилина Е. В. (Ред.) Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник. 2010.

- Рожнова М. А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ. 2009.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР — Наука. 1960.
- Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания в современном русском языке // Вопросы языкознания, 6. 1958. С. 63–75.
- Babby L. H. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers. 1980.
- Bogusławski A. On describing accomplished facts with imperfective verbs // The Slavic verb. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger. 1981. P. 34–40.
- Beaver D., Geurts D. Presupposition // Zalta E. (Ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2011.
- Donnellan K. S. Speaker reference, descriptions and anaphora. // French P. A., Uehling Th. E., Wettstein H. K. (Eds.) Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis: University of Minnesota. 1979. P. 28–44.
- Fillmore Ch.J. Types for lexical information // Kiefer F. (Ed.) Studies in Syntax and Semantics. Dordrecht. 1969. P. 109–137.
- Guiraud-Weber M. Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // Russian linguistics, 27(3). 2003. P. 363–384.
- Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon press. 1997.
- Horn L. R. A natural history of negation. Chicago: University of Chicago press. 1989.
- Jackendoff R. S. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge: MIT Press. 1972.
- Jakobson R. On linguistic aspects of translation // Brower R. A. On translation. Cambridge, Mass. 1955. P. 232–239.
- Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London. 1924. — Рус. пер.: Есперсен О. Философия грамматики. М. 1958.
- Klenin E. Quantification, partitivity and the Genitive of negation in Russian // Comrie B. (Ed.) Classification of Grammatical Categories. Urbana: Linguistics Research. 1978. P. 163–182.
- Klima E. Negation in English // Fodor J., Katz J. (Eds.) The Structure of Language. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1964. P. 246–323.
- Ladusaw W. On the notion ‘affective’ in the analysis of negative polarity items // Journal of linguistic research, 1(2). 1980. P. 1–16.
- Levin B., Rappaport H. M. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1995.
- Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge. 1968. — Рус. пер.: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику М.: Прогресс. 1978.
- Lyons J. Semantics. Vol. 1–2. L. etc.: Cambridge University Press. 1977.
- Miestamo M. Standard Negation. The Negation of the declarative verbal main clauses in a typological perspective. Empirical approaches to language typology, 31. Berlin–New York: Mouton de Gruyter. 2005.
- Mustajoki A., Heino H. Case selection for the direct object in Russian negative clauses // Slavica Helsingiensia, 9. Helsinki. 1991.

- Partee B. H., Borschev V. B. Genitive of Negation and Scope of Negation in Russian Existential Sentences // Toman J. (Ed.) Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 2002. P. 181–200.
- Pereltsvaig A. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian // King T. H., Sekerina I. A. (Eds.) Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Philadelphia Meeting 1999. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 2000. P. 328–346.
- Restan P. A. The objective case in negative clauses in Russian: the Genitive or the Accusative? // Scando-Slavica, 6. 1960. P. 92–111.
- Timberlake A. Hierarchies in the Genitive of Negation. Slavic and East European Journal, 19. 1975. P. 123–138.
- Veyrenc J. *кто-нибудь* et *кто-либо* formes concurrentes? // Revue des études slaves, 40. 1964. P. 224–233.
- Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc.: Ossolineum. 1969.
- Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. Oxford–New York: Oxford University Press. 1996.